

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Фридрих Хоссбах

ПЕХОТА ВЕРМАХТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

**31-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ
ОТ БРЕСТА ДО МОСКВЫ**

1941—1942

За линией фронта. Военная история

Фридрих Хоссбах

**Пехота вермахта на Восточном
фронте. 31-я пехотная
дивизия в боях от Бреста
до Москвы. 1941—1942**

«Центрполиграф»

Хоссбах Ф.

Пехота вермахта на Восточном фронте. 31-я пехотная дивизия в боях от Бреста до Москвы. 1941—1942 / Ф. Хоссбах — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Военная история)

Фридрих Хоссбах – участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями в своей книге предпринял попытку объяснить, как и почему провалилось немецкое наступление на Россию в 1941–1942 годах. Хоссбах начинает повествование с анализа состояния вооруженных сил вермахта и советских войск на момент начала войны, касаясь планов, тактики и стратегии противных сторон. Затем автор переходит к главной мысли своей книги, и заключается она в том, что войска не только орудие высшего командования, они могут стать и его жертвой. С целью продемонстрировать влияние точки зрения и приказов немецкого командования на свои войска, Хоссбах рассматривает пример частей 31-й пехотной дивизии, воевавшей на Восточном фронте в 1941–1942 годах. Книга иллюстрирована картами и таблицами.

© Хоссбах Ф.

© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Глава 1	17
Вартегау	17
Седльце	22
Демблин	23
Буг	25
Распределение войск на направлении наступления 82-го пехотного полка	27
Глава 2	30
Первые дни войны	31
Михалин-Стари	35
Зельвянка	36
Наступление к Днепру. Старый Быхов	43
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Хоссбах
Пехота вермахта на Восточном
фронте. 31-я пехотная дивизия в
боях от Бреста до Москвы. 1941–1942

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Историческая параллель: 1812 и 1941 год

А

Предпринятые в недавнее время попытки объяснить провал немецкого наступления против России в конце 1941 года суровым русским климатом не были первыми в военной истории; подобные тенденции были заметны в военной литературе и после поражения наполеоновской армии в 1812 году. Однако уже в прошлом столетии был положен конец легенде о том, что причиной проигрыша войны 1812 года стала холодная русская зима. Истинную причину неудачи следует искать в завышенных политических и военных притязаниях Наполеона.

Его Великая армия пала жертвой несоответствия между ее стратегическими задачами и ее фактической боеспособностью. Наполеону не удалось добиться военного разгрома России в ходе быстротечной летней кампании 1812 года в самом ее начале, воспользовавшись большим численным превосходством¹. Русскому военному командованию удалось избежать желательного для Наполеона решающего сражения на границе России, вывести армии из стратегического охвата и – хотя это и не было запланировано в самом начале – отвести главные силы в глубь страны.

Даже полководец такого масштаба, как Наполеон, должен был понимать, что ни один военачальник не может безнаказанно нарушать немногочисленные, но непреложные для всех времен правила военного искусства. Пренебрежение законом «истощения сил наступающего» (Клаузевиц) отомстило в 1812 году Наполеону, а 129 лет спустя – Гитлеру. Чем больше император удалялся от своей исходной базы в Германии, чем дальше углублялся он на территорию России, тем быстрее утомлялась его армия, несмотря на то что на этом пути к Москве было дано лишь два сражения (у Смоленска и у Бородино)².

Когда Наполеон после относительно быстрого продвижения – длительностью 84 дня³ – достиг столицы противника, в распоряжении императора осталась лишь одна треть тех сил, которые он собрал для похода в Россию. Из 363 тысяч человек, находившихся под его непосредственным командованием 24 июня, когда он перешел Неман близ Ковно (современный Каунас), выбыло 268 тысяч. Французская армия как по своим внутренним качествам, так и организационно оказалась не готова к требованиям, предъявленным ей русским театром военных действий⁴. Почти ежедневная необходимость устройства биваков, недостаточная укомплектованность этапных служб, плохое состояние продовольственного снабжения и медицинской службы⁵, а также упадок воинской дисциплины сильно ослабили мощь армии уже во время наступления, угрожающе кося ее ряды. Дезертирство и болезни достигли угрожающего уровня; боевые потери, например 10 тысяч человек 16/17 августа в Смоленске и 28 тысяч

¹ В начале войны 450 тысячам французов и их союзников противостояли 160 тысяч русских. (*Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.*)

² Это только самые крупные сражения. Однако не следует забывать бои при Мире 27–28.06 (9 – 10.07), Салтановке 8(20).07, Кобрине 15(27).07, Островно 13–15 (25–27).07, Клястицах 18–20.07 (30.07–1.08), Красном 2(14).08, Валутиной Горе 7(19).08. (*Примеч. ред.*)

³ С конца июля до 13 августа Наполеон, в районе Витебска, дал своей армии двухнедельную передышку, использованную для улучшения снабжения войск.

⁴ Weygand. S. 261 ff.

⁵ В начале кампании в войсках насчитывалось 826 врачей, из которых погибли, попали в плен и пропали без вести 600 человек (*Хоридаш. Хирург Наполеона. С. 145*).

человек в сражении у Бородино 7 сентября⁶, составили лишь небольшую часть общих потерь императорской армии. В Москву 15 сентября вошли лишь 95 тысяч человек; около 110 тысяч солдат прикрывали пути сообщения с Германией – слишком много в сравнении с численностью действующей армии и слишком мало для надежной охраны путей подвоза снабжения из Ковно (около 600 километров).

Надежды Наполеона на то, что русская знать сможет убедить царя Александра I к заключению мира, не оправдались, так же как надежды Гитлера на то, что советская политическая система в 1941 году рухнет после первых же ударов вермахта. Занятие Наполеоном столицы не ослабило волю русского императора и русского народа к сопротивлению, а, напротив, укрепило ее. Войдя в Москву, Наполеон не имел сил ни для дальнейших наступательных действий, ни для успешной обороны уже захваченной территории. Длительным, чрезмерным напряжением сил своей армии Наполеон сам поставил себя в неблагоприятное положение, в каком он оказался в Москве. Ослабление его армии, неуклонное усиление противника и нападения на фланги и тыл французов вынудили Наполеона к отступлению. Так как решение об отходе было принято слишком поздно, Наполеон совершенно утратил свободу маневра, и перемещения его таявшей армии попали в полную зависимость от действий противника.

Отход из Москвы начался 7(19) октября. Холода, однако, наступили лишь в первой декаде ноября. «Все, что позже говорили о неожиданно ранних и сильных холодах император и его угодливое окружение, стараясь оправдать катастрофическую неудачу отступления из России, было неправдой; как раз в 1812 году холода наступили позже и были менее продолжительными, чем обычно в этой стране; степень похолодания не могла в том году никого удивить»⁷. Наполеон сознательно искажил истину, когда 6 декабря 1812 года, в день, когда он оставил армию на произвол судьбы, сказал своим маршалам: «Вы, однако, знаете историю наших бедствий, как знаете и о том, какую незначительную роль сыграли в них русские (такая наглая ложь – в стиле Наполеона. – *Ред.*). Что же касается нас, то нашим единственным победителем явился мороз (см. примеч. выше. – *Ред.*). Он стал неприятным сюрпризом даже для местных жителей, привычных к зимним холодам»⁸. После того как остатки армии – это были в основном немцы и поляки – совершили свой последний воинский подвиг – форсировали 26–28 ноября Березину, ее численность составила 14 тысяч боеспособных солдат и 26 тысяч раненых и обмороженных. Снегопады и морозы первой недели декабря резко увеличили потери и привели армию к окончательной катастрофе.

В результате этой кампании Великая армия потеряла по меньшей мере 500 тысяч человек из 612 тысяч (включая пополнения к первоначальным 450 тыс.), из них около 250 тысяч убитыми, и, кроме того, 150 тысяч лошадей и 1000 орудий. Потери среди немцев, находившихся в составе наполеоновской армии, составили 200 тысяч человек⁹. Лучшего союзника Россия обрела в лице своих необъятных просторов. Непрестанные нападения русских на пути подвоза продовольствия и на места расквартирования лишили французскую армию возможности организованно покинуть страну, компенсировав быстротой отхода недостаток снабжения.

«Известно, что император тщательно продумал и блестяще организовал снабжение армии. Но она не смогла воспользоваться этой заботой, так как на плохих дорогах обозы с продовольствием не поспевали за наступающими войсками, и это очень скоро обернулось острой нехваткой провианта. Последний склад, получавший продовольствие из тыла, находился в Вильно. Дальше все потребности Великой армии приходилось заготавливать в местах про-

⁶ Это французские, заниженные данные. По данным русских историков, в Смоленском сражении 4–6 (22–24) августа потери французов составили 20 тыс. убитыми и ранеными, при Бородино 26 августа (7 сентября) свыше 50 тыс. (*Примеч. ред.*)

⁷ Йорк фон Вартенбург (*Yorck von Wartenburg*. 2 Teil. S. 173).

⁸ *Eisner*. Bd. 9. S. 426.

⁹ Для сравнения: безвозвратные потери русской армии в 1812 году составили 120 тыс., из них 46 тыс. было убито и умерло от ран, остальные от болезней (по Урланису). (*Примеч. ред.*)

хождения ее колонн. В трудных условиях русского театра военных действий упорядоченное снабжение армии численностью полмиллиона человек при тогдашнем состоянии транспорта и дорог оказалось попросту неосуществимым. Было абсолютно невозможно в достаточной степени снабдить и оснастить армию такой численности, устремившуюся к сердцу гигантской Российской империи. Наполеон рассчитывал в генеральном сражении близ Вильно уничтожить русскую армию в ста километрах от границы. Именно на такое развитие событий были рассчитаны все его мероприятия, которые в тогдашних условиях были единственно возможными»¹⁰.

Наполеон не смог ни одержать победу, ни заключить мир. Мало того, своего лучшего союзника, Александра I, он уступил Англии. Природные особенности России и воля ее народа к сопротивлению – недооцененные Наполеоном – стали дополнительными факторами его поражения. Но главные причины коренились в событиях, происходивших за много лет до начала русской кампании. Мощность военной промышленности самой Франции не соответствовала грандиозным политическим замыслам Наполеона. По своей структуре Великая армия была не французской, а континентально-европейской. По численности в этой армии преобладали иностранцы. В организационном отношении их подчинение командованию французской армии было различным: иностранцы, служившие во французских полках, отдельные формирования на содержании французского правительства, вспомогательные контингенты из зависимых государств и самостоятельные¹¹ корпуса союзников (Австрии и Пруссии). Таким образом, в составе армии, отправившейся в 1812 году в Восточный поход, сражались (в различных ее организационных структурах) представители многих европейских народов. Их единство опиралось только и исключительно на власть, авторитет и волю одного человека. Помимо многих отличительных признаков, характеризующих общность происхождения, у солдат наполеоновской армии отсутствовал единый душевный порыв. Единение ради идеи, воплощающей наднациональную задачу, каковое в наши дни считается необходимой предпосылкой формирования интернациональных армий, не могло, конечно, возникнуть в тогдашних политических условиях. Дело еще больше осложнялось тем, что от внимания европейских народов не могло ускользнуть то обстоятельство, что уставший от войны французский народ шел под знамена императора очень неохотно и без всякого воодушевления. Только в одном 1810 году было вынесено 160 тысяч приговоров лицам, уклонявшимся от службы, а их семьям были назначены значительные денежные штрафы. В течение 1811 и 1812 года во Франции было выловлено около 60 тысяч «уклонистов», насильственно отправленных затем в армию. Нет поэтому ничего удивительного в том, что нежелание утомленного войнами французского народа сражаться за императора оказывало отрицательное воздействие на готовность других народов к самопожертвованию. Но, несмотря на все свои недочеты и слабости, Великая армия – в ходе неудачной кампании 1812 года – явила образцы мужества и героизма как отдельных солдат и офицеров, так и целых частей и соединений. Доблесть наполеоновской армии проявлялась в тех ее соединениях, где сохранялись доверие, дисциплина и дух товарищества.

Наполеон, несомненно, проявил подлинное величие, сумев в условиях той эпохи своей волей организовать и привести в действие гигантскую интернациональную армию. Но император недооценил то главное и решающее, что обеспечило политическое и духовное единство в выполнении поставленной задачи: благородные порывы отдельных людей и стремление к свободе угнетенных народов, разбуженное французской революцией. Эти порывы и устремления были сильнее воли и власти Наполеона.

¹⁰ *Фрейтаг-Лорингховен. Армии Первой империи. С. 107.*

¹¹ Под общим французским командованием. (*Примеч. ред.*)

Б

Надо сказать, что Наполеон был неплохо и основательно осведомлен о требованиях, предъявляемых армии войной в Восточной Европе. Помимо того, что французский император внимательно читал о походах короля Карла XII и изучал историю и географию России, командование французской армии, на основании собственного опыта, могло по достоинству оценить будущего противника. Кампании 1805 и 1806–1807 годов против Австрии, Пруссии и их русского союзника имели место совсем недавно. В памяти офицеров и старых солдат Великой армии были еще живы представления о тактике, стратегии и боеспособности русской армии, в особенности о ее стойкости в обороне и о мастерском умении отступать. Военные действия осенью и зимой 1806/07 года в разрушенных и разграбленных областях Польши и Пруссии к востоку от Вислы уже тогда поставили французскую армию на грань истощения в результате чрезвычайного напряжения сил, потерь и лишений. Именно воспоминания о тех кампаниях побудили честных людей в окружении императора попытаться отговорить его от рискованного похода на Москву. «Никогда еще придворные не нашептывали столько правды в уши государя – но, увы, безуспешно»¹². Наполеон слепо верил в свою удачу и отмахивался от всех советов и предостережений.

Сегодня мы не можем с полной уверенностью сказать, сколько советников Гитлера предостерегали его от вторжения в Россию и были ли они вообще. Мы не знаем также, насколько стратегическое нападение Гитлера на Советский Союз могло быть объяснено и оправдано отношением и поведением этой страны. Не изменились ли к 1941 году политические интересы заключенного в 1939 году немецко-русского пакта настолько, что можно было в любой момент ожидать выступления Москвы на стороне западных союзников? Насколько достоверными были суждения о военных приготовлениях России, суждения, на основании которых посчитали допустимым риск начала превентивной войны, увеличив тем самым число театров военных действий? Не было ли недооценкой ситуации принятие в расчет того, что вовлечение России в борьбу будет означать для Германии лишь увеличение числа фронтов? Это положение уже существовало в результате вторжений в Польшу и Скандинавию, в результате победоносных военных действий на западе и юго-востоке Европы, пусть даже на этих фронтах и наступила оперативная пауза. Завоеванные и покоренные страны остались фронтами в том смысле, что продолжали связывать немецкие вооруженные силы, необходимые для поддержания порядка и безопасности, а также для подготовки к отражению возможных наступательных действий противника. Кроме того, за счет ослабления фронтов в Европе проводилась кампания в Северной Африке. Гудериан¹³ считает, что число немецких дивизий¹⁴, которые было невозможно перебросить на восток, достигало шестидесяти, в то время как на Восточном фронте немцы могли сосредоточить не более 145 дивизий. Этим силам – согласно письменному докладу Кейтеля правительству от 11 июня 1941 года¹⁵ – Россия могла противопоставить 170 стрелковых дивизий, 33,5 кавалерийской дивизии, а также 46 моторизованных и танковых бригад. Согласно оценкам Йодля, мы *никогда* не сможем довести численность наших войск до уровня необходимой обороны на Восточном фронте¹⁶.

¹² *Caulaincourt*. Mit Napoleon in Russland. S. 54.

¹³ *Guderian*. S. 137.

¹⁴ Немцы выделили для нападения на СССР 153 дивизии, в том числе 24 дивизии в резерве ОКХ (германских сухопутных войск), последние планировалось выдвинуть на фронт в первых числах июля. Кроме того, против СССР было брошено 37 дивизий союзников Германии. Итого 190 расчетных дивизий (имевшиеся бригады приравнены к половине одной дивизии каждая). (*Примеч. ред.*)

¹⁵ *Seraphim*. S. 61.

¹⁶ *Seraphim*. S. 74.

Но если сил, направленных на Восток в 1940–1941 годах, было недостаточно даже для обороны, то каким же образом они оказались способными к решительному наступлению против превосходящих русских сил? Это стало возможным только в результате достижения равновесия за счет того, что недостаточная численность немецких войск компенсировалась их физическим, моральным и материальным превосходством, а также превосходством командования. Но для такой компенсации было недостаточно добродетелей, присущих немецким войскам; были здравые суждения о русских вооруженных силах, неоднократно высказанные высшим командованием германской армии. Оно отлично знало, что основные принципы управления войсками в русской армии, ее стратегическая и тактическая доктрина во многих положениях были такими же, как у нас, так же как и то, что русские вооруженные силы были хорошо обучены и подготовлены. Немецкое командование отлично сознавало, что абсолютное несоответствие между численностью германских соединений и необъятностью русских просторов будет лишь усугубляться по мере развития наступления, так как великое пространство, протянувшееся с востока на запад и с севера на юг, будет лишь все больше и больше пожирать и перемалывать армию. Интересные отчеты личного представителя президента Рузвельта Гопкинса о его беседах со Сталиным в конце июля 1941 года¹⁷ указывают, что русский диктатор с самого начала учитывал огромное значение, которое имели обширные русские пространства для отражения немецкого вторжения. Кроме того, в этих отчетах содержатся указания и на то, что Сталин отчетливо представлял себе организационные слабости немецкой стратегии. Расчленение сухопутных войск на танковые и пехотные армии, на вырывающийся вперед моторизованный авангард и отстающую пехоту он рассматривал как возможность нанесения отдельных контрударов, призванных усилить влияние географических факторов и воспрепятствовать успешному завершению немецкого наступления до начала зимы.

Сталин считал, что русские контратаки должны быть направлены в первую очередь против немецких пехотных дивизий, оставшихся без танкового прикрытия. Такая точка зрения указывает на то, что противник верно оценил внутренний недостаток немецкой военной организации. Точно так же понимал ситуацию и немецкий Генеральный штаб во времена Бека (в 1935–1938 гг. Бек был начальником Генштаба сухопутных войск) и Фрича (Фрич в 1933–1938 гг. был командующим сухопутными войсками). Они считали, что наступательную мощь пехоты можно и должно увеличить за счет перераспределения танковых сил. Оба этих военачальника считали тактическое усиление пехоты главной задачей немецкого военного руководства в обеспечении стратегической обороны. Для них не было речи о «стратегически применимом наступательном оружии большого стиля»¹⁸, так как в качестве цели имперской политики и программы вооружений они видели лишь сохранение Германии. В тех рамках промышленных и финансовых возможностей, каковые существовали в гитлеровском рейхе, было невозможно механизировать и моторизовать все сухопутные силы. Происшедший, несмотря на это, поворот в политическом и военном руководстве, имевший место после отставки генерал-полковника фон Фрича, потребовал наступательного инструмента, который было невозможно быстро создать. Тенденция – невзирая на объективные ограничения – видеть такой наступательный инструмент только в образе танковых корпусов привела к опасной переоценке возможности повысить боеспособность всей армии за счет частных политических и военных решений. Стремление к «стратегически применимому наступательному оружию большого стиля» способствовало лишь безграничному росту политических притязаний Гитлера.

Структура и организация современных армий подвергается влиянию со стороны политического и военного руководства в гораздо большей степени, чем в предшествующие эпохи. Изобретения и технологии нашего быстротекущего времени приводят к тому, что самое совре-

¹⁷ *Sherwood*. P. 254 ff.

¹⁸ *Guderian*. S. 54.

менное и дорогостоящее оружие может быстро устареть. Следовательно – с точки зрения руководства – возникает стремление использовать краткий миг нашего превосходства и применить новое оружие вовремя, пока оно не устарело!

Успешные действия командования и личного состава всех родов вооруженных сил, и прежде всего танковых корпусов, привели к быстрым победам в Польше, Франции и на Балканах. Однако этот успех можно было считать лишь предварительным, и окончательно оценить достоинства новой наступательной стратегии можно было лишь в другой войне, в которой каждая следующая победа приводила лишь к увеличению числа театров военных действий, ибо не была достигнута главная цель любой войны – установление мира. Оставался открытым вопрос: окажется ли наступательная стратегия, обеспеченная расчленением танковых и пехотных соединений и доказавшая свою эффективность в кампаниях 1939 и 1940 годов, стратегия, обнаружившая, с другой стороны, некоторую внутреннюю противоречивость своей структуры, столь же эффективной и против русской армии.

Ценность опыта предыдущих кампаний всегда является относительной: она определяется географическими особенностями театра военных действий и стратегией противника, и прежний опыт нельзя безоговорочно переносить в новые условия ведения войны.

Устаревшие военные доктрины западных армий трещали по швам под неудержимым натиском немецких танков; несомненно, именно танкам обязано своим возрождением искусство маневренной войны. Характер русского театра военных действий и русских вооруженных сил предъявлял куда более высокие требования к уступавшим им по численности и мощи немецким вооруженным силам¹⁹, основную массу которых составляли пехотные дивизии. Попытка ценой перенапряжения всех сил уравнивать их наступательную мощь с боеспособностью более подвижных и лучше вооруженных танковых дивизий заставила пренебречь важнейшим для успеха всей кампании требованием: сохранением сильной, отдохнувшей армии для решающего сражения за Россию. Высшим командованием не был принят во внимание главный принцип стратегии – достижение общего или, по крайней мере, локального – на решающих участках – превосходства (под которым следовало понимать не столько снижение потерь, сколько повышение боеспособности наличных частей и соединений). Пренебрежительное отношение к пределам выносливости людей и моторов²⁰, их хищническое использование измотало армию до решающего этапа сражения под Тулой и Москвой и до наступления зимы. «Только тот, кто прошел весь путь по месиву непролазной грязи, в которое превратились дороги, может представить себе неимоверную нагрузку, выпавшую на долю людей и техники, трезво судить о положении на фронте и делать выводы из создавшегося положения. То, что высшее военное руководство не желало учиться на этом печальном опыте и поначалу не верило нашим сообщениям, стоило нам неисчислимых жертв и неудач, которых в противном случае можно было бы избежать» (сентябрь 1941 г.)²¹.

«Если вдуматься, скольких элементов требует сравнение сил (физических и моральных) противоборствующих сторон, то становится понятным, насколько трудно, во многих случаях, определить, кто из противников обладает преимуществом. Иногда такие оценки основываются лишь на силе воображения. Таким образом, определение момента кульминации борьбы требует высокого искусства и тонкого чутья» (Клаузевиц). Так, в ходе непрерывных наступательных операций 1941 года неизбежно должен был наступить момент, когда истощение сил перейдет допустимую меру, если вовремя не ввести в бой сильные резервы. Но, так как резервов

¹⁹ Вермахт к 22 июня 1941 г. превосходил вооруженные силы СССР как по общей численности личного состава (7 млн 254 тыс. против 5 млн. 373 тыс. у СССР), так и по численности личного состава войск, выделенных для нападения на СССР, в сравнении с противостоящими им советскими войсками приграничных округов. (*Примеч. ред.*)

²⁰ Haider. S. 41 und 43.

²¹ Guderian. S. 196.

не было, а высшее командование²² не проявило «высокого искусства и тонкого чутья» в определении поворотного пункта и делало выводы лишь из непосредственных результатов происходивших событий и не осознавало, что кульминация борьбы уже миновала, наше наступление закончилось провалом и отступлением. Несмотря на героизм и верность долгу, немецкие солдаты, проявившие невероятную стойкость, были принесены в жертву амбициям несбыточных стратегических целей. В своих воспоминаниях Гудериан²³ весьма отчетливо указывает на несоответствие между убывавшей наступательной мощью его танковой армии (до 5 октября 1941 г. – танковой группы) и теми требованиями, какие ей предъявлял он сам и высшее командование вплоть до наступления зимы. Общие потери на Восточном фронте к 30 ноября 1941 года²⁴ Гудериан оценивает в 743 тысячи человек (23 процента от общей численности сухопутных сил в три с половиной миллиона солдат и офицеров)²⁵.

Невзирая на все победы лета 1941 года, ход военных действий не привел к желаемому результату – уничтожению вооруженных сил противника в европейской части России. Наоборот, сопротивление противника нарастало по мере продвижения германских войск в глубь русской территории. Мало того, уже в сентябре и в еще большей степени в октябре осенняя непогода начала оказывать неблагоприятное воздействие на состояние здоровья личного состава войск и на маневренность. «Ради того, чтобы завершить кампанию в 1941 году и использовать для этого вполне реальные шансы»²⁶ немецкое командование, проигнорировав весь опыт предыдущих зимних кампаний в России, упорно настаивало на продолжении наступления, имевшего целью захват Москвы. В изданном после сражений у Брянска и Вязьмы приказе фельдмаршала фон Браухича солдатам группы армий «Центр» говорилось: «После многонедельных, тяжелейших оборонительных боев вы 2 октября наконец перешли в наступление. С первых же его часов вы продемонстрировали полное превосходство над противником. Вы прорвали вражеский фронт и под выдающимся руководством командующего группой армий и армейских командиров окружили и уничтожили восемь армий противника.

В этих тяжелых боях против упорно сопротивляющегося врага вы снова подтвердили свою репутацию лучших в мире солдат, несмотря на погоду и отвратительное состояние дорог. Войска и их командиры совершили выдающийся подвиг. Вся Германия с благодарностью и гордостью смотрит на свою армию. Я восхищен каждым из вас и горжусь вами.

Но наша главная задача пока не выполнена. Враг едва ли сможет полностью оправиться от тяжелых людских и материальных потерь и в настоящее время уже не способен к крупным операциям. Но, несмотря на это, опираясь на свои колоссальные человеческие и материальные ресурсы, он на отдельных участках фронта будет продолжать попытки отчаянного сопротивления. Но мы сломим и это его сопротивление, воспользовавшись, невзирая на снег, дождь и холод, результатами наших побед, и не оставим врага в покое. Нашим девизом и впредь должно оставаться только одно слово: вперед!»

Последовавшие за этим приказом бои уже в первой половине ноября показали, что речь шла не о преследовании выдохшегося и утратившего волю к сопротивлению противника, а о преодолении упорного сопротивления полного решимости врага. Не оправдались мнимые «реальные шансы», на которые немцы рассчитывали исходя из недооценки русских войск,

²² Уровни командования: высший уровень – Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКН); средний уровень – командование групп армий и дивизий; нижний уровень – командование бригад, полков и батальонов.

²³ Guderian. S. 163, 164, 168, 169, 171, 172, 178, 183, 185, 194, 195, 196, 197, 198, 202, 206, 212, 218 ff.

²⁴ Guderian. S. 232.

²⁵ В «Руководстве по оборонительной стратегии» (2-й том) и в отчете о санитарных потерях личного состава армии за время мировой войны (3-й том) говорится о том, что в течение первых двух лет Первой мировой войны – за время наступательных действий – потери германской армии на Восточном фронте тоже были относительно выше, чем на Западе.

²⁶ Lofberg. S. 135.

которые в действительности сумели преодолеть тяжелый кризис начала кампании, в то время как наступательный порыв измотанных немецких войск к середине ноября был полностью исчерпан.

Очень неубедительными выглядят попытки людей, которые в то время отвечали за планирование и проведение операций, доказать, что при ином планировании и проведении наступательных действий цель кампании все же могла быть достигнута. Исходный план кампании, разработанный Верховным главнокомандованием вермахта, в общих чертах предусматривал: «Главные силы русских сухопутных войск в Западной России необходимо уничтожить смелыми действиями проникающих далеко на вражескую территорию танковых клиньев, не допуская отхода боеспособных войск противника в глубь страны.

Посредством быстрого продвижения наших войск нужно выйти на линию, из-за которой русские ВВС не смогут осуществлять налеты на объекты на территории германского рейха. Конечная цель операции – создание щита, разделяющего европейскую и азиатскую части России на главной линии Волга – Архангельск. В этом случае объекты последнего промышленного региона, который останется в распоряжении русских, Урала, могут быть в случае необходимости уничтожены люфтваффе»²⁷.

Достаточно обладать одним лишь здравым смыслом для того, чтобы понимать, что достичь этой цели за три с половиной месяца летней кампании невозможно; эта задача не могла быть решена и в том случае, если бы на границе России немецкие войска встретили организованное сопротивление готовой к бою армии противника, что предполагал не только Гитлер, но и руководители Верховного главнокомандования вермахта и главного командования сухопутных войск²⁸. Переход немецких войск в наступление на широком фронте от Румынии до Восточной Пруссии и установление целей, которые должны были одновременно достичь наступавшие на обоих флангах группы армий, противоречил решению задачи, от которой зависел успех всей кампании, – разгрому основных сил противника и продвижению в глубь русской территории. «Несоответствие между протяженностью фронта и числом имевшихся в наличии соединений, несоответствие, на которое Гитлер указывал еще во время предварительного обсуждения плана наступления» оказалось слишком велико²⁹.

Сравнение протяженности фронта в начале немецкого наступления от устья Прута до Мемеля с протяженностью фронта по достижении линии Волга – Архангельск показывает, что она должна была увеличиться приблизительно в четыре раза – с 1250 километров³⁰ до 4500 километров. При этом мы не учитываем невероятную глубину пространства, оставленного за спиной наступающей армии; те участки, которые остались бы не захваченными во время наступления, потребовали бы особого внимания и охраны.

Превентивная война, начатая Гитлером, должна была исключить мнимую опасность того, что Советская Россия, улучив благоприятный для себя момент и воспользовавшись затруднениями Германии, вступит в соглашение с западными врагами рейха. Но на деле вышло нечто совершенно противоположное. Военное ослабление Германии было бы неизбежным даже после победы над Россией, ибо одно удержание и подчинение этой территории требовало бы присутствия значительных немецких сил, которые, следовательно, не могли бы быть использованы на Западном фронте. Во время Первой мировой войны после заключения Брест-

²⁷ *Loßberg*. S. 164 und 165.

²⁸ *Seraphim*. S. 64 ff.

²⁹ *Haider*. S. 41.

³⁰ На самом деле 2110 км – 300 км полоса обороны Прибалтийского особого военного округа (от Балтийского моря до южной границы Литовской ССР), 470 км Западного особого военного округа (от южной границы Литовской ССР до реки Припять), 860 км Киевского особого военного округа (от Припяти до Липканы), 480 км Одесского округа (от Липканы до устья Дуная). К этому надо добавить 1300 км сухопутной границы с Финляндией, оборонявшейся силами Ленинградского военного округа. (*Примеч. ред.*)

ского мира на Востоке оставалась немецкая оккупационная армия в составе двадцати пехотных и трех кавалерийских дивизий, которые не могли участвовать в решающих сражениях на Западе.

Как обстояли дела зимой 1941/42 года и как это повлияло на ход немецкого наступления?

19 октября фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», обратился к войскам с приказом по случаю окончания сражений под Вязьмой и Брянском³¹. Немецкие войска совершили выдающиеся подвиги в борьбе с врагом, «несмотря на погоду и отвратительное состояние дорог», как сказал фельдмаршал фон Браухич в своем упомянутом выше приказе. Никто не сомневался, что наступивший период распутицы был предвестником неминуемо надвигавшихся зимних холодов. Немецкие войска в 1941 году должны были повторить печальный опыт 1914–1918 годов: военные действия на Востоке сильно осложнились из-за дождей и наступившей в их результате распутицы. Этот период дождей и грязи продолжался все время приближения от Брянска до Белева, то есть до 5 ноября, когда наступила зима. С 5 по 10 ноября чередовались снегопады, морозы и оттепели. С 11 ноября, однако, зима полностью и окончательно вступила в свои права. Стало холодно, и снег шел практически непрерывно. 12 ноября термометр показывал температуру минус 17 градусов, 13 и 14 ноября – минус 12. Непролазная грязь на дорогах превратилась в скользкий каток.

Снег и мороз – это не только признаки наступившей зимы; они сильно влияют на жизнь и боеспособность войск, особенно если обмундирование, снаряжение, условия расквартирования и питания не соответствуют зимней погоде. Но все дело в том, что наступившая в середине ноября 1941 года зима не была «необычно ранней и необычно холодной» или «необычно суровой даже по русским меркам»³². Наступление продолжалось. Сам по себе приход зимы в это время не мог и не должен был вызывать никакого удивления, ибо согласно многолетним метеорологическим наблюдениям³³ следовало рассчитывать на то, что в течение ноября вся поверхность Восточно-Европейской (Русской) равнины начнет покрываться снегом, а в период с 20 ноября по 10 декабря на огромных пространствах от Архангельска на Крайнем Севере до линии Орша – Орел – Уральск снежный покров станет стабильным и превысит 15 сантиметров. В самой Москве снежный покров устанавливается в среднем 24 ноября – по данным многолетних наблюдений, с 5 ноября по 24 декабря. «В целом можно сказать, что зима 1941/42 года была абсолютно нормальной»³⁴.

Не могло быть никаких сомнений, что заключительная фаза наступления на Москву будет проходить в снег и мороз. Собственно, даже если бы высшее немецкое командование было не в курсе опыта боев в ноябре во время предыдущих кампаний и пренебрегло научно обоснованными докладами метеорологов, оно должно было читать направленные в вышестоящие инстанции донесения войсковых командиров о погодных условиях. В ставке фюрера не могли не знать, что в полосе наступления группы армий «Центр» зимняя погода установилась 15 ноября. Совершенно непонятно поэтому, как тогдашний начальник отдела оперативного руководства Генерального штаба сухопутных войск мог утверждать, что «зима наступила 5 декабря»³⁵. Происшедшее в тот день резкое падение температуры являлось не началом зимы, а лишь резким похолоданием, характерным для русской зимы. В Москве среднесуточная температура в декабре составляет обычно 11 градусов ниже нуля³⁶.

³¹ См. приложение 1.

³² Haider. S. 43–44.

³³ Leimbach. S. 80.

³⁴ См. приложение 2.

³⁵ Heusinger. S. 391.

³⁶ Leimbach. S. 59.

По мнению генерала фон Лосберга, «можно было рассчитывать на то, что после периода распутицы приблизительно в середине ноября установится сухая и не слишком холодная погода. Сильные морозы и снегопады в Центральной России наступают, как правило, не раньше начала января. Немецкое командование возлагало большие надежды именно на эти шесть недель – от середины ноября до конца декабря»³⁷. В этом своем мнении высшее немецкое командование было право в одном: период распутицы действительно закончился в середине ноября. Однако представление о том, что потом наступит «сухая и не слишком холодная погода», было лишено всякого реального основания и могло кончиться лишь жестоким разочарованием. Снегопады являются такими же метеорологическими осадками, а на сухой бесснежный период рассчитывать было нельзя – как на основании опыта предыдущих кампаний³⁸, так и на основании многолетних метеорологических наблюдений. Такими же безосновательными были надежды на «не слишком холодную погоду». Было полным безрассудством строить планы важнейшей наступательной операции на таком зыбком фундаменте. Опасность этой азартной игры усугублялась тем, что перед и без того ослабленными и измотанными войсками ставились все более трудные задачи. Не приходилось сомневаться в том, что серьезные холода, характерные даже для мягкой русской зимы, могут стать – при отсутствии необходимых мероприятий – причиной еще большего ослабления измотанных несколькими месяцами боев войск. Длительные боевые действия в условиях даже не слишком сильных морозов может выдержать только закаленный и волевой солдат, при условии что его обмундирование, снаряжение и питание соответствуют возросшим требованиям. Опыт всей военной истории показывает, что из всех времен года самым трудным для ведения военных действий является зима. Способы их ведения разительно отличаются от таковых летом и осенью. Любая армия, которая перейдет этот климатический рубеж без надлежащей подготовки, рискует оказаться в тяжелом положении.

Войска являются орудием в руках высшего командования, но они могут стать и его жертвой. Неумение ставить адекватные цели войны и неразумное использование может погубить войска. Терпеть лишения и невзгоды – это долг и добродетель солдата; без этой добродетели невозможно поддержание высокого боевого духа армии. Однако чрезмерные нагрузки и жертвы можно терпеть лишь непродолжительное время. Если же они затягиваются надолго, то могут привести к подрыву физического и морального состояния армии, а оно является первым и самым главным залогом победы.

Даже такие современные и отлично оснащенные силы, как экспедиционные войска западных союзников под командованием генерала Эйзенхауэра, были вынуждены после нескольких месяцев наступления, несмотря на то что вести войну на западном театре военных действий несравненно легче, чем на восточном, остановиться, чтобы подготовиться к ведению боевых действий в условиях наступившей зимы. «В таких операциях главное – это артиллерийская поддержка и бесперебойное снабжение боеприпасами; что касается пехоты, то от нее требуется выдержка, выносливость и неустрашимость. При прочих равных условиях пехота всегда несет наибольшие потери, особенно на уровне взводов. На долю пехоты при любом способе ведения войны выпадают самые большие жертвы; в любой войне она несет наибольшие потери. Эти потери обусловлены не только столкновениями с противником. Небоевые потери в пехоте тоже выше, нежели в других родах войск. Пехотинцы больше, чем другие, подвержены действию погодных условий и поэтому страдают от обморожений, траншейной стопы, заболеваний дыхательных путей. Так как дивизии несут относительно большие потери в своих пехотных частях,

³⁷ *Löffberg*. S. 138.

³⁸ Даже в расположенных западнее областях, бывших театром военных действий на Восточном фронте в 1914 году, зима со снегопадами и морозами тоже наступила уже в ноябре. «С первого дня сражения под Лодзью (17.11.14) наступил сильный мороз. Многие солдаты страдали от обморожений, а также от болезней, связанных с холодом и отсутствием теплого обмундирования и обогрева...» (История гессенского 82-го пехотного полка. С. 33).

их наступательная мощь значительно ослабевает. Поскольку с каждым днем людей, идущих вперед под прикрытием артиллерийского огня, становилось все меньше и меньше, наша наступательная мощь сильно снизилась. Но даже без учета этой проблемы, проистекавшей из снижения наступательных возможностей отдельных подразделений, у нас возникли большие проблемы с выдвижением вперед большого числа дивизий, которые использовались для охраны коммуникаций и поддержки массированного наступления»³⁹.

Для того чтобы продемонстрировать влияние точки зрения и приказов немецкого командования на полевые войска, мы рассмотрим пример 82-го пехотного полка и других частей 31-й пехотной дивизии, воевавшей на Восточном фронте в 1941–1942 годах.

³⁹ *Eisenhower*. S. 388.

Глава 1

Подготовительный период (15.09.40–21.06.41)

Вартегау

Мы стояли во французской провинции Нормандия, в Мортене, Сурдевале и окрестных деревнях, когда в 31-ю пехотную дивизию поступил приказ от 6 сентября 1940 года, отменявший прежнее распоряжение о подготовке вторжения в Англию и ставивший задачу перемещения 82-го пехотного полка. По соображениям секретности место назначения полка не было нам сообщено. Было лишь приказано подготовиться к пятидневной поездке по железной дороге.

Несколько дней спустя полк был уже в Вартегау⁴⁰. После четырехдневного пути поезд штаба полка ранним утром 14 сентября прибыл на станцию Вайценфельд в Плешене (польский Плешев. – *Ред.*). Там нас оповестили, что мы прибыли в пункт назначения. Перспектива задержаться здесь надолго никого из нас не прельщала: неприметная, убогая железнодорожная станция, забытая богом деревня, серое, без просветов, небо, с которого сыпался мелкий моросящий дождь, и осенний холод, и бескрайний тусклый горизонт – все это отнюдь не облегчало нам смену живописных нормандских пейзажей на унылую восточную равнину. Молодежь была сильнее разочарована тем, что в отпарке из Франции видела поначалу предзнаменование мира и возвращение в места постоянной дислокации – в Геттинген и Нортхайм.

Семимесячное пребывание в Вартегау в военном отношении оказалось весьма полезным для подготовки к войне с Россией, но первоначальные надежды на уют и отдых очень скоро развеялись как дым. Местность эта, вопреки первому впечатлению, оказалась очаровательной и прелестной. У тех, кто пробыл там те месяцы, Плешен (Плешев), Кошмин (Козмин) и Яроцин оставили самые приятные воспоминания о начале долгого и трудного пути, который было суждено впоследствии пройти полку. Мы никогда не сможем забыть душевное расположение и гостеприимство, проявленное в отношении нас жившими там немцами, пережившими в 1918 году смену государственности, но оставшимися верными своему немецкому происхождению. Этим людям было тяжело переносить неопределенность будущего уже тогда – никто не знал, будет война с Россией или нет. Они во всяком случае надеялись, что вооруженного конфликта с ней удастся избежать. Для населения этих немецких пограничных земель поражение обернулось бы окончательной потерей родины и имущества.

Разница в культуре между польскими территориями и бывшей прусской (до 1919 г.) провинцией Позен (Познань) – Вартегау – была просто разительной. Внешний вид городов, деревень, дорог и сельскохозяйственных угодий, расположенных по эту сторону имперской границы 1918 года, был чисто немецким. Собственно Польша начиналась по ту сторону реки Просны. Сто двадцать пять лет прусского господства подняли позенские земли до уровня остальной монархии. Просна стала разграничительной линией между страной прусских колонистов и сферой славянского влияния.

В противоположность неблагоприятным условиям расквартирования, с которыми столкнулись части 31-й дивизии, расположившиеся в польских районах в Калите, Кутно и Лодзи, части, устроившиеся в Плешене (Плешеве), Яроцине и Кошмине (Козмине), наслаждались почти мирными условиями жизни. В том, что касалось сооружений для размещения и тренировки личного состава (казармы, плацы, стрельбища и полигоны), здесь нам были созданы

⁴⁰ Западная Польша, аннексированная немцами в 1939 г. (*Примеч. ред.*)

самые благоприятные условия. Служба проходила, можно сказать, практически в условиях мирного времени, что было очень полезно для планомерного обучения солдат и поддержания дисциплины.

Затем последовали весьма болезненные изменения в составе ядра нашего полка. Во вновь сформированную в Бергене (близ Целле в Нижней Саксонии к северу от Ганновера) 131-ю пехотную дивизию были переданы некоторые подразделения 31-й пехотной дивизии. Одному только 82-му пехотному полку пришлось отправить в Берген 3-й батальон⁴¹, противотанковую роту и роту полевых орудий, а также, помимо этого, передать в 12-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии часть личного состава. Все эти перемещения касались только людей; вооружение и обмундирование они получали в тех частях и подразделениях, куда их переводили. Оружие, боеприпасы, военное оборудование, лошади, повозки и автомобили остались в распоряжении 82-го пехотного полка, командованию которого пришлось восполнять убыль личного состава за счет внутренних резервов и прибывшего с родины в октябре 1940 года пополнения. Уровень боеспособности ослабленного по численности почти на треть полка в течение нескольких месяцев оставался весьма условным. То, что за время передышки в военных действиях зимой 1940/41 года нам удалось ликвидировать это ослабление, вызванное раздроблением частей и соединений, не в последнюю очередь было связано с тем, что командование сухопутными силами поняло, что дальнейшее раздувание количества соединений скажется на их качестве и боеспособности.

Использование боевых частей в качестве учебных было новшеством в немецкой действующей армии. Мы от души приветствовали это нововведение, так как передачу под нашу ответственность обучения и воспитания пополнения мы рассматривали как действенное средство быстрого приобщения молодых солдат к духу и качеству испытанных в боях войск. Для решения этой задачи 82-й запасной батальон в Гёттингене с полным пониманием ее смысла снабдил нас учебными пособиями и полевым оборудованием. Самая большая трудность в обучении молодых рекрутов заключалась в нехватке обучающего персонала, который понес потери во время кампаний в Польше и Франции. Но самая главная причина нехватки подготовленных офицеров и унтер-офицеров была обусловлена резким увеличением численности вооруженных сил перед войной. Первоочередной и нелегкой задачей стало устранить эту трудность, подготовив в течение нескольких недель инструкторов из имевшихся в наличии офицеров, унтер-офицеров и опытных солдат. Восемь месяцев, прошедших с октября 1940 года до начала русской кампании, были не таким уж большим сроком для того, чтобы тщательно выковать из семисот новобранцев полноценных солдат, а затем обучить их действиям в составе части для того, чтобы восстановить боеготовность полка. «Превосходство наших войск над войсками противника является таким впечатляющим, что оно, должно быть, околдовало нас, тем более что есть основания полагать, как нам и хотелось бы, что в отношении противника отнюдь не требуется тот уровень подготовки, которого мы хотим добиться»⁴². Это справедливое в отношении французской кампании суждение не соответствовало требованиям, которые могла выдвинуть война против России. В свете грандиозных задач предстоящей войны на Востоке нельзя было считать достаточным вообще любой имеющийся уровень военной подготовки войск. Только, возможно, самая высокая степень знаний и умений, высочайший уровень личной боеспособности и умения действовать в составе подразделений могли в какой-то мере гарантировать соответствие войск чрезвычайным требованиям восточноевропейского театра военных действий. 25 ноября 1940 года командир 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Кемпфе, на основании указаний высшего командования, собрал командиров частей вверенной ему дивизии и сообщил им о том, что у Германии нет никаких «военных планов против Рос-

⁴¹ См. приложение 3.

⁴² Из письма генерал-полковника Бека автору от 17.06.40.

сии»⁴³. Тем не менее командиру 82-го пехотного полка настоятельно посоветовали не ослаблять усилий по воспитанию и обучению личного состава вверенной ему части, имея в виду возможность борьбы на Востоке. Обе книги Коленкура⁴⁴, другая литература о походе 1812 года, книги о других зимних кампаниях, а также собственный трехлетний опыт боев в России в Первую мировую войну сыграли большую роль в психологической и военной подготовке 82-го полка к выполнению будущих задач. Морозная и снежная зима 1940/41 года была самой природой предназначена для того, чтобы дать наглядное представление о том, что нам, возможно, предстояло. Той зимой мы пользовались любой возможностью, чтобы приучить войска к тяжелым действиям в суровых зимних условиях. Уже тогда нам стало ясно, что наши автомобили не выдерживают тяжелых зимних условий и отказывают на сильном морозе и при мощном снежном покрове. В этой ситуации незаменимым транспортным средством становились лошади. Транспортная связь между тремя местами расквартирования полка осуществлялась исключительно верховыми и на санных. В результате введения конной эстафеты расстояние между городами Плешен (польский Плешев) и Яроцин (24 км) удавалось покрывать за 1 час 45 минут. Опыт той зимы позволил нам подготовиться к тому, чтобы в случае необходимости перевести моторизованную противотанковую артиллерию полка на конную тягу. Офицеров, унтер-офицеров и солдат этой роты обучали искусству верховой езды и управления гужевыми транспортными средствами, а также правилам содержания лошадей и ухода за ними. Этот подход целиком и полностью себя оправдал во время военных действий в России осенью 1941 года.

Представители высшего командования навещали нас редко. Из Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), из Главного командования сухопутных сил (ОКХ) и командования группы «Центр» мы вообще не видели никого, а генерал, командовавший XII армейским корпусом, которому подчинялась 31-я пехотная дивизия, появлялся в нашем расположении от случая к случаю. Напротив, командующий 4-й армией фельдмаршал фон Клюге заезжал в расположение 82-го пехотного полка каждый раз по пути из Варшавы, где размещался его штаб, на родину и на обратном пути. Его визиты, которые он наносил без предупреждения, никогда нам не мешали. В литературе идут споры о позиции фельдмаршала в отношении событий 20 июля 1944 года; надо, однако, сказать, что он всегда с большой теплотой относился к заботам и нуждам войск. С Клюге можно было откровенно обсуждать как проблемы стратегического масштаба, так и мелкие вопросы военного быта. Клюге был настоящий солдат и мог многое простить подчиненным за мужество и верность долгу. Но фельдмаршал был строг и поэтому внушал страх людям слабым и нерешительным. Он всегда проявлял понимание и сочувствие к пехоте, которая всегда несет на своих плечах основную тяжесть боевых действий.

Начавшееся выдвижение восточной германской группировки на исходные позиции сделало заметным ограничение возможностей расквартирования уже в начале марта 1941 года. Кошмин (польский Козмин) пришлось освободить для других частей, и 3-й батальон 82-го пехотного полка был переведен в Плешен (польский Плешев) на запасные квартиры. Это перемещение в самый разгар обучения пополнения было тем более болезненным, что, помимо всего прочего, сокращало время, отведенное на боевую учебу. После многочисленных противоречивых приказов Главного командования полк в конце марта получил окончательный приказ выдвинуться из Плешена (Плешева) и Яроцина на Вартский войсковой полигон близ Позена (Познани).

Так как 82-й пехотный полк пробыл в Плешене (Плешеве) и Яроцине больше полугода, он накопил там значительные запасы обмундирования и снаряжения (между прочим, мы специально получили из Германии бывшее в употреблении обмундирование, чтобы сберечь хоро-

⁴³ Лосберг (с. 112) сообщил мне, что окончательное указание о подготовке к наступлению на Россию было дано Гитлером после завершения проведенного осенью планирования кампании, 18 декабря 1940 г., в присутствии командующих тремя видами вермахта.

⁴⁴ *Caulaincourt. Mit Napoleon in Russland und Unter vier Augen mit Napoleon.*

шую форму на случай начала боевых действий), а также изготовленных собственными силами учебных пособий и оборудования. Теперь, в преддверии передислокации, надо было решить, что делать со всем этим имуществом — оставить его на месте или отправить в Германию. Для того чтобы принять решение, отвечавшее интересам войск, нам нужна была ясность относительно длительности пребывания на Вартском полигоне и его дальнейшего перемещения — будет ли он передислоцирован дальше или вернется в Плешен (Плешев) и Яроцин. Царившая в штабах высшего командования неопределенность относительно дальнейшего применения полка очень сильно осложняла подготовку мероприятий, связанных с выдвижением из Плешена (Плешева). Кабинетным штабистам зачастую хватает нескольких слов для того, чтобы отдать приказ о передислокации того или иного соединения. Выполнение же этого приказа требует большой и кропотливой работы, трудность которой усугубляется неопределенностью указаний высшего командования относительно диспозиции войск. Выступление войсковой части, которая провела долгое время на одном месте, требовало известного времени на подготовку к восстановлению готовности к маршу и решения вопросов о целесообразности складирования запасов на прежнем месте или их перевозки в другое место.

Высшее командование практически не позаботилось о подготовке квартир на пути следования части и о размещении войск по прибытии на полигон. При этом речь шла не о выдвижении на вражескую территорию, где мы могли бы сами легко позаботиться о размещении военнослужащих, а о марше по плотно занятой немецкими войсками территории, где возможность расквартирования зависела от разрешения местных гражданских и военных властей. Разумеется, что в этих условиях мы, насколько это было возможным, полагались только на себя. Тем не менее ввиду недостатка мест для стоянок войскам приходилось совершать большие переходы для того, чтобы покрыть расстояние от Плешена (Плешева) до Позена (Познани). Расстояние от Плешена (Плешева) до Вартского лагеря (120 км) мы преодолели за два с половиной дня. В переходе от Плешена до Нейштадта на Варте (ныне Нове-Място-над-Вартон) мы воспользовались той же дорогой, по которой выдвигался на позиции в битве у Лодзи в 1914 году⁴⁵ 82-й пехотный полк. 28 марта 1941 года 82-й пехотный полк достиг Вартского лагеря и остановился в нескольких окрестных деревнях. Полк в течение нескольких дней готовился к участию в двух больших пробных маневрах. Эти маневры состоялись 7 и 8 апреля под руководством генерала Шрота, командира XII армейского корпуса, в присутствии нескольких сот наблюдателей. Среди них находились некоторые командующие группами армий и много генералов и офицеров Генерального штаба. Темой учений оба раза была атака вражеских позиций — в первый раз с форсированием водной преграды, а во второй — с предварительным переходом по открытой степной местности.

Точно определенная длительность времени учений потребовала того, чтобы войска из дня в день по утрам поднимались до рассвета для того, чтобы вовремя успеть на полигон для отработки маневров. Участие в маневрах трех дивизионов легкой и пяти дивизионов тяжелой артиллерии, одного минометного полка и двух саперных батальонов потребовало тщательного планирования и подробной разведки для того, чтобы избежать возможных потерь. Фельдмаршал фон Клюге, выступая с заключительной оценкой проведенных учений, сказал, что это

⁴⁵ Лодзинская операция 29 октября (11 ноября) — 11(24) ноября 1914 г. После успешного завершения русскими войсками Варшавско-Ивангородской операции русская ставка разработала план глубокого вторжения на территорию Германии силами 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта и 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта. Упредив русские войска в наступлении, германское командование попыталось окружить 2-ю и 5-ю русские армии в районе Лодзи. Однако ударная группа немцев (3 пехотные и 2 кавалерийские дивизии) под командованием Шеффера, сумевшая пробиться севернее Лодзи и вышедшая в тыл русской 2-й армии юго-восточнее этого города, сама попала в ловушку, была окружена и потеряла в боях 10–11 (23–24) ноября свыше 40 тыс. убитыми и пленными. Однако ее остатки, идя напролом через позиции русской 6-й Сибирской дивизии, сумели пробиться к своим (вышло 6 тыс. человек). План немцев провалился, однако был сорван и план русского командования, наметивший глубокое вторжение в Германию. (*Примеч. ред.*)

было первое крупное учение с применением настоящих боеприпасов и установлением дымовой завесы, прошедшее без жертв.

Обучение полка совместным действиям как единой части и во взаимодействии с другими родами войск принесло огромную пользу для подготовки к действиям в обстановке реальных боевых действий, но при этом явилось нелегким испытанием для офицеров и солдат. Пользу из этих маневров 82-й пехотный полк извлек уже через несколько недель, когда форсировал Буг 22 июня 1941 года. К сожалению, после маневров войска не смогли насладиться заслуженным отдыхом. Командованию 31-й пехотной дивизии была поставлена задача оставить места расположения в Калише, Кутно, Лодзи и Кротошине и передислоцироваться к Висле в район города Пулавы. Командир 82-го пехотного полка был в Вартском лагере поставлен перед выбором: либо со своим полком последовать за 31-й пехотной дивизией походным порядком, либо последовать за ней по железной дороге. Напряженный график работы железной дороги требовал, чтобы погрузка и отправление полка началось уже 8 апреля. При отбытии из лагеря позднее речь могла идти только о пешем марше. Преимущество преодоления 400 километров по железной дороге было настолько очевидным, что командиры решили пренебречь отдыхом после напряженных десятидневных учений в Вартском лагере. Поэтому в конце дня 8 апреля, сразу после окончания маневров, 82-й пехотный полк начал грузиться в заранее подогнанные вагоны и вскоре, через Коло, Кутно, Лович и Варшаву, прибыл в Седльце, где поступил в непосредственное подчинение командованию XXXV армейского корпуса.

Седльце

В Седльце ротам пришлось основательно потрудиться, чтобы создать себе человеческие условия жизни, так как местные казармы находились в ужасающем состоянии. Едва были закончены работы по приведению жилья хотя бы в более или менее сносный вид, как комендант авиационной базы приказал освободить часть помещений – причем лучших – для прибывающей истребительной авиационной эскадры Мельдера. Так как у коменданта был приказ по-новому обустроить все внутренние помещения, он приказал нам немедленно очистить казармы. Понятно, что такое унижительное требование было встречено нами без всякого восторга! Потом он попытался дружески увещевать нас, говоря о «лучшей авиационной эскадре люфтваффе», не преминув добавить, что эту эскадру лично опекает фельдмаршал Кессельринг. На все эти увещевания коменданту отвечали, что он имеет дело с командиром пехотного полка, который считается лучшим в сухопутных силах. Передав привет знакомому ему фельдмаршалу, командир 82-го полка наотрез отказался освобождать помещения. На том этот конфликт и закончился. Несколько месяцев спустя военная судьба свела в боях на Днестре эту авиационную эскадру и наш пехотный полк. В серьезном деле мы действовали сплоченно и слаженно – без конфликтов.

18 апреля 82-й пехотный полк вместе с 3-м дивизионом 31-го артполка 31-й дивизии и 31-м саперным батальоном 31-й дивизии уже снова был на марше. Новым пунктом назначения был Демблин, прежнее название (до 1915 г.) Ивангород⁴⁶. Здесь полк должен был присоединиться к 31-й пехотной дивизии, которая окончательно формировалась в Пулавы. Путь в 120 километров был преодолен за 48 часов. Этот переход мы совместили с учебным маршброском, испытав подготовленность наших солдат к большим пешим переходам.

⁴⁶ И в а н г о р о д – русская крепость на Висле юго-восточнее Варшавы.

Демблин

Основную массу солдат 82-го полка разместили в крепости Демблин на правом берегу Вислы, а 1-й батальон полка разместили в бараках на левом берегу Вислы. Прошло 27 лет с тех пор, как 82-й пехотный полк атаковал Ивангород с запада в составе армии Гинденбурга в 1914 году⁴⁷. Хорошо сохранились могилы павших в то время солдат и офицеров 82-го полка. Мы заботливо привели их в порядок. В составе полка нашлось довольно много сыновей участников сражения за Ивангород во время Первой мировой войны. Старые могилы стали символом традиции.

Связь между обоими берегами Вислы была в то время затруднена, так как через реку был только один железнодорожный мост, перемещения по которому в каждом случае требовали особого согласования с железнодорожным начальством. Переброска людей и транспортных средств через реку осуществлялась паромами до тех пор, пока не был реконструирован большой мост, находившийся ниже крепости. Полк находился в Демблине месяц, который мы использовали для повышения боеспособности личного состава. Кроме того, в 82-м пехотном полку были организованы курсы подготовки по противотанковой обороне, на которые направляли военнотружущих разных дивизий. Нам сразу стала ясна ошибочность отсутствия танков и самоходных орудий в пехотных частях.

В Демблине закончился последний период перед вторжением в Россию, когда еще были возможны обучение и боевая подготовка солдат и офицеров. Правда, нам удалось добиться достаточно высокого уровня практической и теоретической подготовки офицеров, унтер-офицеров и солдат. В том, что касается материально-технического обеспечения – обмундированием, снаряжением и вооружением, положение тоже было вполне удовлетворительным. Автомобили, напротив, были устаревшими: они годились для западноевропейских дорог, но совершенно не подходили для условий восточного театра военных действий. Хотя войскам до сих пор не объявили, что решение о войне против России уже принято высшим командованием, в частях были предприняты все возможные меры для увеличения мобильности войск на случай вторжения в Россию. По опыту Первой мировой войны было ясно, что обеспечение войск гужевым транспортом и лошадьми было явно недостаточно для ведения там маневренной войны. В полку были даны указания заменить упряжки по две лошади на четверки, а четверки на шестерки, а также иметь в каждом подразделении утвержденное число резервных лошадей. Речь при этом шла не о произвольной реквизиции, а об утверждении нового штатного расписания и проведении санкционированной командованием реквизиции лошадей у населения. Повышению мобильности способствовала также организация второй гужевой колонны. Эта колонна должна была перевозить предметы снаряжения, не нужные непосредственно в бою, а также предметы материально-технического снабжения, например слесарные и столярные инструменты, материалы для ремонта автомобильных шин и т. д. Правильность этих мероприятий подтвердилась еще до начала русской кампании, когда у полка отняли все обозные автомобили и направили их на другие нужды. На этих грузовиках перевозили теплое нательное белье, столь необходимое в России. Только 21 декабря 1941 года, когда 82-й пехотный полк

⁴⁷ Имеется в виду Варшавско-Ивангородская операция 15(28) сентября – 26 октября (8 ноября) 1914 г., одна из крупнейших в Первой мировой войне. В ее ходе 9-я германская армия под командованием Гинденбурга и 1-я австро-венгерская армия (всего 24 пехотные и кавалерийские дивизии, свыше 290 тыс. пехоты, 20 тыс. сабель, 1600 орудий), развернувшие наступление на Варшаву и Ивангород, потерпели здесь поражение в упорных встречных боях и, потеряв до 50 % своего состава, отступили на исходные рубежи (австро-венгры, разгромленные у Ивангорода, где пытались помочь Гинденбургу, в беспорядке). Только медленное развитие преследования их русскими из-за отставания тылов спасло немцев и австро-венгров от полного разрома. (Примеч. ред.)

начал отступать к Калуге, ему были возвращены эти грузовики. До этого они пол год а использовались для тылового снабжения войск.

Важнейшими факторами успеха предстоявшей войны были высокий моральный дух и дисциплина в войсках. Закон о воинском долге, применявшийся без учета званий, заслуг и возраста, объединил всех военнослужащих в стремлении как можно лучше служить Германии. Не делалось никаких различий в связи с происхождением или партийной принадлежностью; решающее значение имели лишь характер каждого отдельного человека и его заслуги. Беспрецедентная готовность, с какой солдаты следовали за своими командирами, возлагала величайшую ответственность на офицеров и унтер-офицеров. Воспитание и обучение личного состава полка было направлено на то, чтобы добиваться в боях максимальных успехов за счет минимального числа жертв. Всех учили, что тщательная подготовка является лучшей гарантией военных успехов. Этот лейтмотив создал обстановку высокого доверия, связывавшего солдат и офицеров, доверия, выдержавшего тяжелейшие испытания зимы 1941/42 года.

Буг

В конце мая началось выдвижение немецких войск к русской границе. 31-я пехотная дивизия была передислоцирована с Вислы в район Брест-Литовска (Бреста). Вечером 24 мая 82-й пехотный полк покинул Демблин вместе с запасным батальоном 31-й дивизии⁴⁸, конным обозом батальона связи 31-й дивизии, 9-й конной колонной 31-й дивизии и за пять ночных переходов (180 км) вышел к Бугу через Коцк, Радзынь-Подлянски, Мендзыжец-Полянски и Бяла-Подлянска. 29 мая 82-й полк сменил здесь охранявшие участок между Тересполем и Кричевом три эскадрона 1-го кавалерийского полка. Полоса будущего наступления 82-го пехотного полка соответствовала лишь южной половине этого участка, а северную его половину, вплоть до середины июня, покрывал 17-й пехотный полк. Сужение фронта и соответствующие перемещения создавали помехи в подготовке, но в плане будущего наступления предоставляли несомненные выгоды, позволяя сконцентрировать силы на направлениях главных ударов.

Помимо подготовки к отражению возможного русского наступления с 30 мая на первый план выдвинулась подготовка к нашему наступлению через Буг. В разговорах с командирами полков командир 31-й пехотной дивизии неоднократно подчеркивал – так же как и в предыдущие месяцы, – что решение о войне или мире с Россией высшим руководством страны пока не принято и поэтому подготовка к наступлению носит лишь упреждающий характер.

Круг лиц, посвященных в планы подготовки к наступлению, постепенно расширялся согласно решениям командира дивизии и предложениям командиров полков, а также в соответствии с изменениями положения. К 15 июня все офицеры, командиры взводов и командиры отделений, а также командиры вспомогательных подразделений были ознакомлены с задачами на случай начала наступления.

Сохранение тайны в отношении оперативных планов высшего руководства имело огромное значение для достижения стратегического успеха кампании и было, таким образом, в интересах каждого отдельного солдата на передовой. С другой стороны, чрезмерная секретность создавала опасность того, что отдельные подразделения могли слишком поздно выполнить действия, необходимые для успеха наступления, или не выполнить их вовсе. Любая военная тайна вредит достижению стратегической цели, если она угрожает боеспособности частей на поле боя или заставляет покупать успех ценой большой крови. Исходя из этой точки зрения офицеры, унтер-офицеры и солдаты 82-го пехотного полка были перед началом наступления и в ходе его развертывания в достаточной степени информированы о его перспективах. Старшие и младшие командиры могли действовать тем более осмысленно, чем лучше знали они положение дел у противника и намерения собственного командования. Неопределенность, самая главная отличительная черта войны, всегда остается такой большой, что требует от каждого военнослужащего высочайшего напряжения всех душевных и нравственных сил.

Мнение, согласно которому «20 мая, то есть за месяц до начала восточной кампании, почва высыхает практически во всей Европе»⁴⁹, в районе Брест-Литовска (Бреста) весной 1941 года не подтвердилось. Почва оставалась сырой, и ввиду этого наступление против России не могло начаться ранее намеченного срока. В долине Буга в мае и в первой половине июня

⁴⁸ Запасной батальон 31-й дивизии (командир – капитан Штаатс) численностью около 600 человек находился на войсковом полигоне в Бергене с 20 марта 1941 г., а 27 апреля 1941 г. был передан в подчинение 31-й пехотной дивизии. После начала русской кампании батальон использовали для разных целей (прикрытие штаба дивизии, охрана стоянки санитарного транспорта, охрана и конвоирование пленных). Батальон обеспечивал безопасность тылов также и на фронте. Оснащение и вооружение батальона не полностью соответствовало требованиям к оснащению и вооружению полевых частей сухопутных сил. Во время наступления 1941 г. убыль в полках 31-й пехотной дивизии восполняли за счет этого запасного батальона. Он был расформирован 11 сентября 1941 г. Оставшийся личный состав (около 200 человек) и материальное обеспечение были распределены по подразделениям 31-й пехотной дивизии.

⁴⁹ *Leimbach*. S. 84–85.

1941 года вода стояла на уровне весеннего половодья. Районы, предназначенные для развертывания сил вторжения, все еще были залиты водой. Рекогносцировка исходных районов для наступления пешком, на конных повозках или на автомобилях в первой половине июня была почти полностью исключена. Приходилось переплывать от острова к острову на надувных или деревянных лодках для того, чтобы хотя бы приблизительно оценить ситуацию на обоих берегах Буга. Было совершенно неясно, удастся ли в обозримом будущем выдвинуться в районы, затопленные половодьем. Но затем вода за короткий промежуток времени отступила, и почва высохла. Теперь можно было основательно и тщательно рассчитать выход на исходные позиции и оценить их, несмотря на то что постоянные изменения намерений Верховного командования сильно мешали подготовке к наступлению на полковом уровне. В окончательном виде в приказе о наступлении предусматривалось, что усиленный 82-й пехотный полк форсирует Буг в районе Жечицы и прорвет вражеские позиции с обеих сторон этой деревни. Сосед справа (45-я пехотная дивизия) имел задачу атаковать Брест-Литовок (Брест) южнее участка железной дороги Брест – Тересполь, а сосед слева (17-й пехотный полк) форсировать Буг у Непле.

12-й пехотный полк (без приданного 82-му полку 3-го батальона) вошел в состав резерва 31-й дивизии, подчиненной XII армейскому корпусу. Этот корпус входил в танковую группу Гудериана и имел задачу совместно с 45-й пехотной дивизией взять Брест-Литовск (Брест), а оттуда совместно с 31-й пехотной дивизией прорываться на север между Тересполем и Непле в направлении на Жабинку. XII армейский корпус⁵⁰ обеспечивал внутренние фланги (а также захватывал территорию) танковых соединений (XXIV танкового корпуса южнее и XXXXVII танкового корпуса севернее Бреста). XXIV танковый корпус должен был наступать от села Кодень на Буге к шоссе на дороге Брест – Кобрин – Пинск, а XXXXVII танковый корпус от Лети и Пратулина на Буге через Пружаны на Слоним.

Для форсирования реки и дальнейшего наступления усиленный 82-й пехотный полк был разделен на боевые группы – 3-й батальон (командир – майор Ценкер), 1-й батальон (командир – майор Бантге) и разведывательный батальон 31-й дивизии (командир – ротмистр Бринкман). 2-й батальон (командир – майор Берг) был оставлен в резерве, во втором эшелоне, и должен был следовать за первыми боевыми группами. 3-й и 1-й батальоны 82-го пехотного полка расположились эшелонами на узком плацдарме. Они должны были нанести удар своими внутренними флангами – форсировать Буг, нанести удар в направлении Жечицы и прорвать оборону противника с обеих сторон этого населенного пункта. Разведбатальон 31-й пехотной дивизии, усиленный частью 12-го пехотного полка, должен был обеспечить вспомогательный удар, наступая на русские позиции в районе Козловичей, чтобы прикрыть северный фланг 82-го полка. После захвата Козловичей разведбатальон 31-й дивизии должен был вернуться под командование дивизии, выйдя из подчинения продолжавшего наступление за Буг 82-го полка.

⁵⁰ Guderian. S. 182 ff., в рус. пер. с. 202 (*Гудериан. Воспоминания солдата*. Смоленск: Русич, 1998 и далее по этому изданию).

Распределение войск на направлении наступления 82-го пехотного полка

Главный удар

- а) 3-й батальон 82-го полка в первой линии справа
 - 3 взвода 8-й (пулеметной) роты 82-го полка
 - 2 взвода легких полевых орудий 13-й роты 82-го полка
 - 3-я рота ПТО 31-й дивизии
 - 1 ударный взвод и 3 группы огнеметчиков 1-го саперного батальона 31-й дивизии
 - 3-я рота саперного батальона 31-й дивизии (для обеспечения переправы и наведения понтонных мостов)
 - 1-я рота 192-го дивизиона штурмовых орудий
 - 1 88-мм зенитное орудие
- б) 1-й батальон 82-го полка в первой линии слева
 - 1 взвод легких полевых орудий 82-го полка
 - 1 взвод тяжелой полевой артиллерии 13-й роты 82-го полка
 - 1 взвод тяжелых пулеметов и 1 группа минометчиков (из 8-й пулеметной роты 82-го полка)
 - 14-я рота истребителей танков 82-го полка
 - 4 отделения разминирования саперного взвода 82-го полка
 - 2 отделения огнеметчиков 1-го саперного батальона 31-й дивизии
 - Основной состав саперного взвода 82-го полка и 1-й саперный батальон 31-й дивизии (для обеспечения переправы и наведения понтонных мостов)
 - 3-я рота (батарея) 192-го дивизиона штурмовых орудий
- в) Резерв – 2-й батальон 82-го полка

Вспомогательный удар

- Штаб разведбатальона 31-й дивизии
- 2-я (велосипедная) рота разведбатальона 31-й дивизии
- 3-я (тяжелая) рота разведбатальона 31-й дивизии
- 12-я пулеметная рота 12-го пехотного полка
- 1 взвод 31-го саперного батальона 31-й дивизии

Для форсирования реки в нашем распоряжении было 8 штурмовых лодок, 90 мелких и 40 больших надувных лодок.

Артиллерийская поддержка наступления 82-го пехотного полка осуществлялась под руководством командира артиллерийского полка 31-й дивизии. В его распоряжении находились:

- 1-й дивизион артполка 31-й дивизии (легких полевых гаубиц)
- 3-й дивизион артполка 31-й дивизии (легких полевых гаубиц)
- 2-й дивизион артполка 66-й дивизии (тяжелых полевых гаубиц)

1-й дивизион артополка 67-й дивизии (тяжелых полевых гаубиц)

854-й отдельный дивизион мортир

6-й дивизион реактивных минометов

Батарея 833-го дивизиона сверхтяжелых орудий⁵¹

Систематическое наблюдение за событиями, происходившими по ту сторону Буга, выявило, что вплоть до 21 июня никаких существенных изменений в поведении противника на участке фронта 82-го пехотного полка не происходило. Русские выставили лишь слабые охранения непосредственно на восточном берегу реки. В глубине русской территории, насколько она просматривалась нами, не было никаких связанных в единую систему укреплений, но лишь отдельные полевые позиции и небольшое число бетонированных укреплений старой постройки. Их гарнизоны не производили впечатления большой мощи. Мы не знали, способен ли противник быстро усилить оборону реки. Для этого нам не хватало тактической авиационной разведки. Кроме того, нам не было известно, существуют ли русские укрепления за пределами зоны видимости. В целом к 21 июня на участке 82-го пехотного полка у нас сложилось впечатление, что русские не готовились к решительной борьбе вблизи Буга. Если бы противник на самом деле имел намерение вступить на границе в решающее сражение, то едва ли бы он упустил возможности, предоставляемые слабостью нападающей стороны в период подготовки к вторжению. В момент этой подготовки немецкая сторона была слаба и уязвима. Подготовка к наступлению, если она затягивается на несколько недель, проходит буквально на глазах у противника. Ровная, лишенная естественных укрытий местность на западном берегу Буга, который к тому же ниже восточного, не могла надолго скрыть от русских наши приготовления. Во всяком случае, рассчитывать на это не приходилось. Опасность преждевременного раскрытия противником наших приготовлений к нападению требовала тщательной маскировки и скрытности всех подготовительных мероприятий как важнейшей предпосылки успеха и обеспечения эффекта неожиданности. Для проведения земляных работ и рытья укрытий для людей и техники (на случай перехода к обороне), для строительства мостов и гатей, для ремонта дорог в этой бездорожной заболоченной местности приходилось использовать темное время суток. Конечно, это неизбежно нарушало ночной отдых офицеров и солдат⁵².

Естественно, на быстрый и, самое главное, бескровный успех можно было рассчитывать только при внезапном переходе от практически мирного состояния к военному положению. Все мероприятия, проведенные в 82-м пехотном полку, были подчинены этой первоочередной задаче. Поэтому мы не предусматривали просто переждать сорок минут уничтожающего огня артиллерийской подготовки и только после этого начать переправу через Буг. Напротив, начало артиллерийской подготовки было сигналом к началу наступления пехоты. Соответственно, передовые порядки пехоты вместе с оружием, надувными и деревянными лодками должны были выдвинуться как можно ближе к берегу и быть в любой момент готовыми к началу переправы.

Наши войска не участвовали в боевых действиях уже в течение целого года. Значительная часть военнотружущих вообще не имели никакого военного опыта. Для сохранения боевого и морального духа и для поддержания веры в командование было, таким образом, очень важно, чтобы боевое крещение прошло не только успешно, но и с малыми жертвами. Ход первого дня войны часто оказывает сильное и долговременное влияние на дальнейшую боеспособность войск и их воинский дух. В случае если успеха добиться не удастся, солдаты и офи-

⁵¹ В этом дивизионе было 2 батареи (по два орудия) 600-мм самоходных мортир типа «Карл». Каждая мортира имела свое имя. Данные мортиры назывались «Адам» и «Ева». «Адам» произвел 16 выстрелов по Брестской крепости, у «Евы» случилась неисправность (затяжной выстрел). Вес каждой такой самоходной мортиры 124 т, экипаж 15–17 человек. Вес снаряда: легкого бетонобойного 1700 кг, тяжелого бетонобойного 2170 кг, фугасного 1250 кг (в т. ч. 460 кг взрывчатки). Дальность стрельбы (фугасным снарядом) до 6700 м.

⁵² См. приложение 4.

церы должны сознавать, что командование сделало все, что было в человеческих силах, чтобы избежать неудачи. Учитывая это требование, мы в 82-м пехотном полку теоретически и практически (на местности, у ящиков с песком и в классах) готовили личный состав к решению грядущих тяжелых задач. Однако обстановка в Тереспеле и осуществлявшееся до последних часов железнодорожное сообщение между Германией и Россией вселяло в офицеров и солдат надежду, что войны все же удастся избежать. Каких-либо нарушений границы, которые могли бы привести к обострению обстановки, мы – на участке 82-го пехотного полка – не видели ни разу. В то время как русские уже задолго до начала войны эвакуировали из приграничной полосы гражданское население, на нашей стороне оно оставалось в своих деревнях, даже в тех, что находились у самой реки, вплоть до начала боевых действий.

Начиная с 16 июня все мероприятия стали выполняться согласно конкретному плану, в соответствии с которым войска, оружие, снаряжение и оборудование выдвигались на исходные рубежи, а обозы направлялись в места сбора в ближайшем тылу. На заранее подготовленные позиции тяжелая артиллерия прибыла в ночь с 20 на 21 июня, а пехота первого эшелона выдвинулась на исходные позиции вечером 21 июня.

В 13.15 21 июня командир полка собрал офицеров полка в Лехуты-Малы для того, чтобы в последний раз довести до их сведения всю серьезность предстоящих задач, и проинструктировал о поведении войск на территории России. В соответствии с инструкциями командира дивизии, офицерам 82-го полка было сказано, что победа над Англией оказалась невозможной без победы над Россией и что вермахт будет вести войну против армии и партизан, но не против русского гражданского населения⁵³. Далее, командир полка сказал, что высшее германское командование – после начальных тяжелых боев – рассчитывает на быстрое продвижение в глубь вражеской территории. Свое личное мнение о том, что армии предстоит тяжелая, длительная и изнурительная военная кампания, командир полка высказывать офицерам не стал.

Таким образом, речь шла об очень скором начале боевых действий. Казалось, что Верховное командование собрало достаточные силы для выполнения задач первых дней войны; было ли оно в состоянии обеспечить боеспособность и жизнедеятельность войск в течение длительной кампании, фронтовым частям знать было не дано. Нехватка горючего была уже явной; не приходилось рассчитывать и на поставку сочного корма для лошадей. Ощущался дефицит кожаных материалов. Автомобили были изъяты из полковых обозов и использованы по усмотрению высшего командования. О надежном прикрытии с воздуха нечего было и думать, так как командование надеялось в первые же дни войны вывести из строя русскую авиацию, а прикрытие танковых колонн от воздушных налетов командование считало более важной задачей, чем защиту наступающей пехоты. Эти недостатки красноречиво свидетельствовали о том, что в восточную кампанию мы вступили, не имея удовлетворительного материально-технического снабжения.

⁵³ Военнослужащие германской армии были официальной директивой освобождены от ответственности за любые преступления против мирных граждан. И на самом высшем уровне геноцид поощрялся, поскольку надо было расчищать «жизненное пространство» для германского народа, а для этого требовалось убивать, морить голодом, болезнями, депортировать и т. д. (Примеч. ред.)

Глава 2

От Буга до Днепра (22.06–16.07.41)

Путь следования (666 км): Лехуты-Малы (22 июня) – Братылово (22 июня) – Жабинка (23 июня) – Огородники-Вески (23 июня) – Тевли (24 июня) – Селец (25 июня) – Михалин-Стари (26 июня) – Юрашки (26 июня) – Ужечи (27 июня) – Боровики (27 июня) – Ковали (27 июня) – Близная (28 июня) – Кракотка (28 июня).

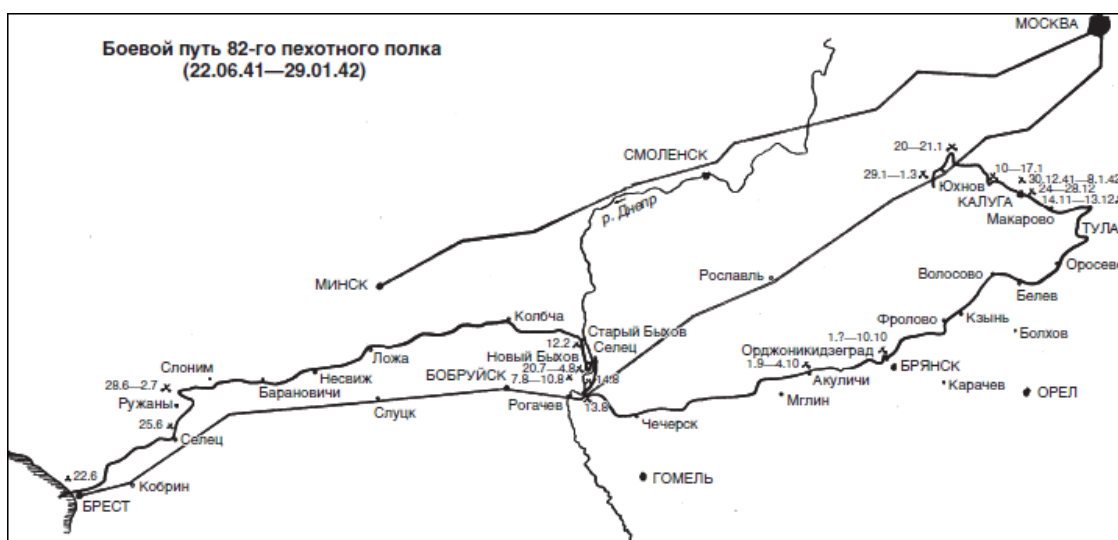
Кракотка (2 июля) – Мижевичи (2 июля) – Зыровичи (2 июля) – Деревная (3 июля) – Южные Барановичи (4 июля) – Ятвич (5 июля) – Несвиж (6 июля) – Лотвины (6 июля) – Слобода Пырашево (7 июля) – Любяча (8 июля) – Шацк (9 июля) – Забай (9 июля) – Блон (10 июля) – Пуховичи (10 июля) – Хидра (10 июля) – Подкамень (10 июля) – Сененполье (12 июля) – Новые Ляды (12 июля) – Якшицы (13 июля) – Перевоз (13 июля) – Бродец (13 июля) – Матеевичи (13 июля) – Колбча (14 июля) – Суша (14 июля) – Долгое (15 июля) – Должанка (16 июля) – Векша (16 июля) – Резки (16 июля) – Городец (16 июля) – Старый Быхов (16 июля).

Первые дни войны

21 июня, с наступлением темноты, передовой штаб 82-го пехотного полка занял блиндаж на восточной окраине Лехуты-Малы. С границы не доносилось ни звука. Не было ни выстрелов, ни ракет. Над будущим полем боя висела неправдоподобная тишина. Каждые полчаса наблюдатели передовых боевых групп – 3-го и 2-го батальонов 82-го полка и разведбатальона 31-й пехотной дивизии – докладывали, что в поведении русских не произошло никаких изменений, и наши действия развертывались согласно плану. Начало наступления было назначено на 3 часа 15 минут. Незадолго до этого на командный пункт 82-го пехотного полка прибыл фельдмаршал фон Клюге, чтобы лично наблюдать за началом вторжения. Тишина прохладного и пасмурного утра была в 3.15, на всем фронте по обе стороны от Брест-Литовска (Бреста), в ключья разорвана сокрушительной артиллерийской подготовкой.

Первый этап наступления увенчался полным успехом; переправа через Буг была осуществлена тремя боевыми группами стремительно и практически без потерь. Не менее успешным был и второй этап наступления – взлом оборонительных позиций противника. 3-й батальон захватил форт «Граф Берг», 1-й батальон – Жечицу, а разведбатальон 31-й дивизии – укрепления в районе Козловичи. Резерв (2-й батальон 82-го полка) быстро последовал за группами первого эшелона и уже в 5 часов 30 минут был на восточном берегу Буга.

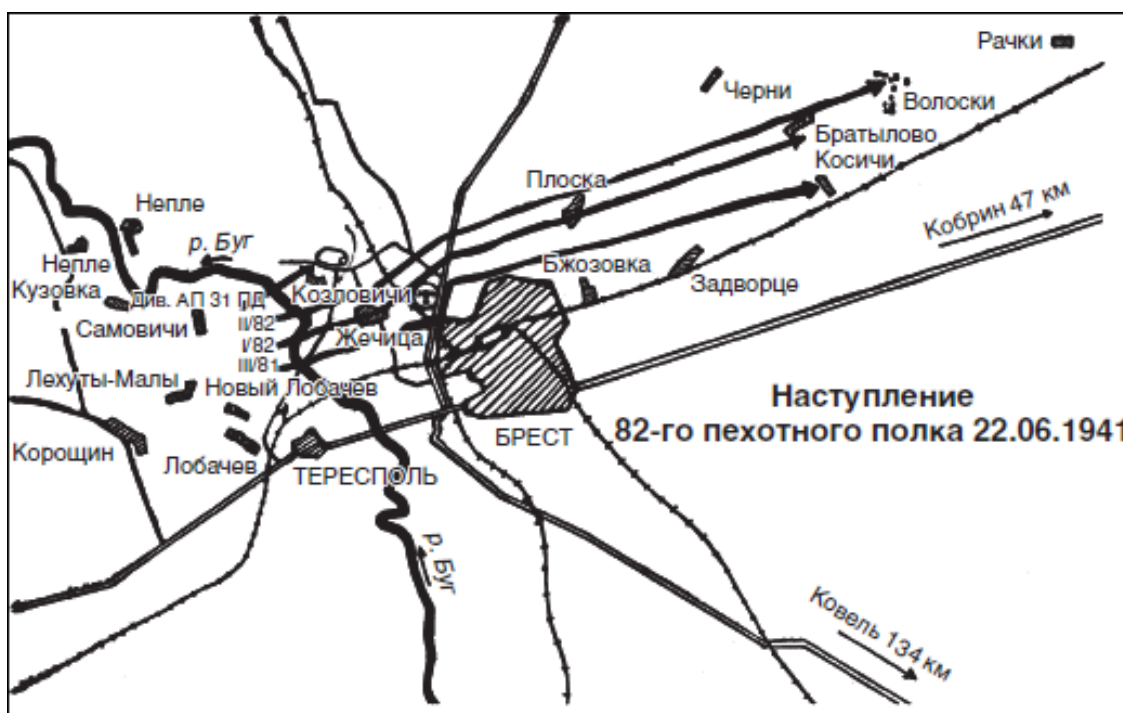
В дальнейшем темп продвижения на восток ограничивался скоростью передвижения тяжелой техники, полевой артиллерии, штурмовых орудий и армейских транспортных средств, следовавших за пехотой. Эта скорость, в свою очередь, определялась емкостью паромов и быстротой наведения понтонных мостов, к которому саперы приступили сразу же после начала наступления. Вслед за первой боевой группой на восточный берег Буга был передислоцирован командный пункт 82-го пехотного полка, который обосновался в Жечице. Здесь, вследствие неточного огня нашей собственной артиллерии, понес потери 3-й батальон. Среди раненых оказался ефрейтор Мейснер, композитор полка. При штурме форта «Граф Берг» погиб превосходный командир 3-й роты истребителей танков 31-й дивизии, обер-лейтенант Бекс, который вместе со своей ротой успешно сражался в составе полка в западной кампании. Убит был также обер-лейтенант Гейзендорф, командир 5-й роты 82-го полка. Это были единственные на тот день убитые из состава 2-го батальона 82-го полка.

Справа, из района Бреста, доносился шум боя, в то время как на фронте наступления 82-го полка складывалось впечатление, что способность противника к обороне здесь была полностью подавлена. Исходя из обстановки командир 82-го полка принял решение не ждать подхода артиллерии, а по доставке достаточного количества тяжелого пехотного вооружения продолжить наступление на восток без учета продвижения соседей на правом фланге, чтобы завершить прорыв. Из-за высокого темпа продвижения связисты не успевали устанавливать телефонную связь; аппараты частью оказались неисправными. Тогда мы стали передавать приказы батальонам старым дедовским способом, как в мирное время – сигналами горна. Был учтен опыт войны на Западе, и в войсках была возрождена старая традиция – мы стали готовить горнистов. Они были направлены в подразделения, где их до этого не было. Следовало подумать о сохранении этого порядка. Передача приказов акустическими способами, особенно на марше, позволяла беречь пеших и конных вестовых.

Цели первого дня наступления были достигнуты полностью по всему фронту. С приходом темноты полк вошел в Волоски (2-й батальон), Кошичи (3-й батальон) и Братылово (1-й батальон). Ротам было приказано выставить охранение и отдыхать. Оторвавшись от тыловых обозов, передовые пехотные подразделения вторглись на территорию противника на глубину до 22 километров.

Из событий 22 июня неопровержимо следовало, что противник не только не ждал нашего нападения, но и не готовил собственное наступление. Напротив, результаты наших наблюдений показали, что нам удалось добиться полной тактической внезапности и что сопротивление русских было чистой импровизацией, для чего использовались войска гарнизона Брестской крепости. Русский аэродром в Жечице, расположенный в 4 километрах от границы, был утром 22 июня в панике покинут личным составом. Мы видели, что части самолетов удалось тем не менее подняться в воздух, но они были немедленно сбиты нашими истребителями.

В следующие дни это впечатление только усилилось. Было видно, что русское командование не приняло никаких мер к укреплению обороны на этом участке границы⁵⁴. Наше продви-

⁵⁴ Sherwood. S. 263; Kalinow. S. 28, 29, 31, 44, 77, 78, 79. 3-я танковая группа наступала на левом фланге группы армий

жение все больше и больше напоминало преследование. Продвигаясь на восток через Жабинку, Тевли, Линово (в 6 км южнее Пружаны), 82-й пехотный полк в ходе трехдневного марша (прерываемого лишь на короткий ночной отдых) вышел 25 июня в Селец (на реке Хотова) близ Ясельда. Этот марш протяженностью 110 километров потребовал величайшего напряжения сил от людей и лошадей, а также неблагоприятно сказался на снаряжении. Речь при этом шла не о борьбе с вооруженным противником, а с тяжелыми природными условиями. Путь следования, особенно в лесах севернее Тевли, был настолько занесен песком, что о нормальном марше не могло быть и речи. Запряженные лошадьми повозки и автомобили увязали в песке. Приходилось использовать пристяжных лошадей, а сзади толкать повозки вручную, чтобы вообще сдвинуть их с места и провести через песчаные заносы. В силу необходимости часть имущества сгружали с повозок, и солдаты перетаскивали его вручную, а часть повозок и транспортных средств приходилось, не разгружая и тоже вручную, выталкивать из песчаного месива. С этой целью из состава рот были выделены постоянные группы «толкачей», сопровождавших транспортные средства. Напряжение было неимоверным из-за невыносимой жары и клубившейся пыли. Вот что было сказано об этом в дневнике командира 1-й роты: «24 июня 1941 года. Начало движения 4 часа 15 минут. Дорога отвратительная, жарко, над колонной густые клубы пыли. Рота вынуждена часто делать остановки, так как транспорт не успевает за пехотой. Были организованы группы толкачей, в них задействован почти весь личный состав роты. Но, несмотря на это, дело подвигается плохо. Лошади выбиваются из сил. В заданный район мы вышли лишь к 5 часам утра 25 июня. Прошли почти 50 километров за 25 часов. В 8 часов утра надо двигаться дальше. Из-за пыли мы все стали похожи на негров».

Отсутствие зенитной артиллерии и прикрытия с воздуха неприятно дало о себе знать 24 июня во время бомбового налета. К счастью, обошлось без потерь, так как целью авиации были колонны танковой группы Гудериана, которые параллельно нашему пути следования продвигались на Слоним.

Командующий XII армейским корпусом генерал Шрот 24 июня перевел 82-й полк на параллельную дорогу, больше подходившую для движения, и во время отдыха полка посетил его командира в колонии Городечно (в 12 км северо-восточнее Тевли). К этому времени полк преодолел приблизительно половину дневного маршрута, оставив за плечами самый трудный отрезок пути. Шрот был недоволен темпами продвижения полка. Для того чтобы возразить на его упреки, мы предложили ему проверить их на практике и вернуться на свой командный пункт не по шоссе, по которому он приехал, а по дороге, по которой прошел 82-й полк. Тогда он на собственном опыте убедится в причинах нашего отставания. Генерал был, однако, не в состоянии согласиться на наше предложение, потому что его автомобиль немедленно бы на этой дороге застрял! Шрот, который, вообще говоря, был заботливым командиром, осознал свою ошибку. Шли лишь четвертые сутки кампании; но напряжение сил было так велико, что было ясно, что войска долго его не выдержат. На прямо заданный генералу вопрос, не решило ли вышестоящее командование насмерть уморить пехоту в самом начале предположительно долгой войны, генерал ответил, что для этого образ мыслей офицеров «школы Бека слишком изощрен и мудр». (Командир 82-го полка был учеником генерала Бека.) Гитлер, не отягощенный старыми военными теориями, благодаря чему были выиграны кампании в Польше и на Западе, считал, что сможет и войну с Россией закончить за несколько недель. В разговоре не было критической оценки, основанной на фактическом ходе событий; он показал, что даже талантливые командиры под влиянием побед впадают в эйфорию и теряют представление о подлинных масштабах усилий и цене успеха.

«Центр»; ее движение началось 22 июня 1941 г. из Сувалки через Неман в направлении Вильно. Вот что докладывали наблюдатели о состоянии русской обороны 22 июня: «Противник повсеместно отступает на восток. Была достигнута полная стратегическая и тактическая внезапность. Противник ошеломлен и, очевидно, совершенно не подготовлен к началу войны» (из Боевых донесений 22–29.06.41 3-й танковой группы от 29.06.41).

В прошлые эпохи темп продвижения войск определялся быстротой продвижения пехоты. Сохранение ее способности к движению вперед было первоочередной заботой полководцев. Если пехота передвигалась в составе смешанных соединений, вместе с конными и кавалерийскими частями, то именно пехоте предоставляли лучшие дороги и маршруты. Появление в армиях моторов уничтожило это проверенное веками уважительное отношение к пехоте. Лучшие дороги стали отдавать в распоряжение моторизованных и механизированных соединений, чтобы лучше использовать их подвижность и беречь их материальную часть. В распоряжении пехоты остались самые плохие дороги. Такой подход показался обоснованным в условиях Западной Европы с ее сетью превосходных дорог. Однако в условиях бездорожья восточного театра военных действий такая тактика привела к резкому затруднению продвижения пехотных частей. Применение современных и незаменимых вспомогательных средств управления (телефон, радио, автомобили и самолеты) нередко приводило к ухудшению и без того тяжелых условий движения пехоты на марше. Высокопоставленные командиры и их помощники – вследствие своеобразных условий штабной работы, которая, в отличие от службы в пехоте, не требует никаких физических усилий, – в большой мере утратили представление о границах возможного.

Михалин-Стари

Шедшему в авангарде 31-й пехотной дивизии усиленному 82-му полку, вышедшему 25 июня в район деревни Селец, было приказано расположиться на длительный отдых и ждать распоряжений из штаба дивизии. Разведбатальон 31-й дивизии взял под охрану мост через реку Ясельду (здесь реку Хотова) на северной окраине населенного пункта. От моста через болото проходила на север пешеходная тропинка длиной 6 километров до Михалин-Стари. По сторонам тропинки располагалась местность, совершенно непроходимая для транспорта, да и людям можно было передвигаться по ней с большой осторожностью.

В первой половине дня в штаб 82-го пехотного полка пришел приказ из дивизии очистить от противника Михалин-Стари и открыть проход для дальнейшего продвижения дивизии. Так как болотистая местность полностью исключала развертывание войск, наступление можно было вести только вдоль тропинки. Задача, возложенная на 2-й батальон 82-го полка, усложнялась тем, что тяжелое вооружение полка безнадежно отстало от ушедшей далеко вперед пехоты, и связь между выдвинувшимися вперед наблюдателями и огневыми позициями оказалась очень растянутой. Прикомандированный 3-й дивизион артиллерийского полка 31-й дивизии не смог в этот день развернуться на огневых позициях и изготавиться к ведению огня. 6-я и 7-я роты 2-го батальона выдвинулись по траншеям вдоль дороги на расстояние около 400 метров от Михалин-Стари. В 20 часов батальон должен был в сопровождении двух подтянутых на дорогу штурмовых орудий и под прикрытием огня шести противотанковых орудий, которыми достаточно густо была насыщена пехота⁵⁵, начать штурм населенного пункта. Уже во время подготовки 6-я и 7-я рота попали под массированный ружейный и пулеметный обстрел, который противник вел из местности, покрытой густым лесом и кустарником. Особенно же неприятным был огонь русских зенитных пушек.

Вечерняя атака удалась лишь отчасти. 6-я рота смогла захватить несколько домов на краю деревни, в то время как 7-я рота увязла в бою с русскими в лесу. Наступившая темнота сделала дальнейшее продвижение невозможным. Продолжение атаки было отложено до утра. При этом планировалась поддержка огнем более мощной артиллерии. Уже ночью огонь противника начал ослабевать, а с рассветом, после вступления в бой двух наших орудий и другого стрелкового оружия, прекратился совсем. В арьергардном бою противник очень грамотно использовал особенности местности, сумев малыми силами задержать наступление и связав наши превосходящие силы. Наступавшие не смогли из-за болотистого характера местности развернуть силы и обойти противника с флангов.

2-й батальон доблестно и осмотрительно выполнил возложенную на него задачу. Потери, к сожалению, оказались значительными (28 убитых, 50 раненых). На вы- сотке рядом с Михалин-Стари появилось первое воинское кладбище 82-го пехотного полка. Здесь павшие были 26 июня с почестями преданы земле.

Все подразделения полка утром 26 июня перешли на северный берег Ясельды (Хотовы) и по обе стороны ведущей в Ружаны дороги заняли обширный плацдарм. Под прикрытием полка переправу через Ясельду севернее деревни Селец осуществили разведбатальон 31-й дивизии и 17-й пехотный полк, двигавшиеся через Михалин-Стари на Ружаны, в то время как усиленный 82-й полк снова начал движение на северо-восток и – после пересечения дороги Береза-Картушка – Ружаны – встал лагерем в Юрашки.

⁵⁵ В немецкой пехотной дивизии в 1941 г. по штату было 75 противотанковых орудий. Для сравнения: в советской стрелковой дивизии в 1941 г. по штату (в реальности в советских стрелковых дивизиях штатной численности личного состава и вооружения в 1941 г. почти никогда не было) полагалось иметь 18 противотанковых орудий. (*Примеч. ред.*)

Зельвянка

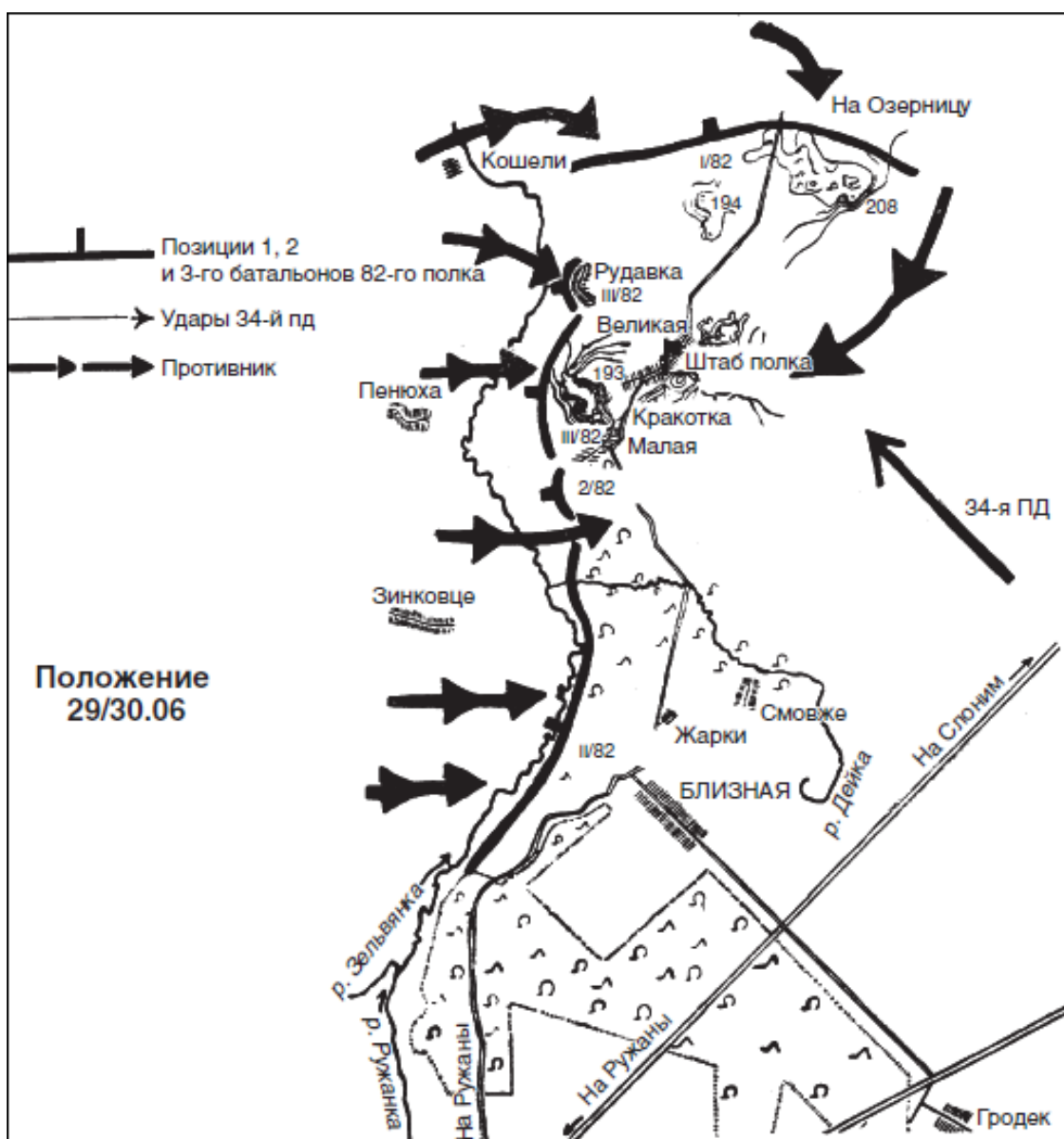
27 июня было продолжено продвижение через селения Буся, Уречь и Стерки вдоль Щары. Разведгруппы ввязывались в перестрелки с отступающими группами рассеянных русских частей. По пути следования, совершив тридцатикилометровый марш и не встретив организованного сопротивления противника, 82-й полк вместе с 3-м дивизионом 31-го артиллерийского полка 31-й дивизии и 1-й ротой саперного батальона 31-й дивизии остановился на обед и продолжительный отдых. Авангард (1-й батальон 82-го полка, 7-я рота 31-го артиллерийского полка 31-й дивизии и 1-я рота саперного батальона 31-й дивизии) отдыхали в селении Боровики (исчезло. — *Ред.*). Здесь в 14.30 состоялись радиопереговоры командира 82-го полка с штабом 31-й пехотной дивизии. Командир дивизии сообщил, что противник угрожает базе снабжения танковой группы Гудериана в Ружанах и полку надлежит немедленно выступить в западном направлении для отражения угрозы, а командиру полка не медля явиться в штаб 31-й дивизии в Гродеке (ныне не существует, 8 км к востоку от Ружан). По радио командиру полка не сообщили никаких данных о противнике и о задаче, поставленной перед полком. Настоятельность, с какой от полка потребовали наступления на запад, создавала впечатление, что положение у городка Ружаны действительно было угрожающим.

Сменив прежнее направление движения (на северо-восток), полк развернулся для наступления на запад, чтобы силами 1-го и 3-го батальонов достигнуть района деревни Сосновка; находившийся в арьергарде полка 2-й батальон получил (непосредственно от командира 31-й дивизии) приказ двигаться через Урочь на Ковали (8 км восточнее городка Ружаны). К полудню дороги, превращенные утренним дождем в непролазное месиво, просохли. Однако состояние дорог сковывало подвижность подразделений. Кроме того, темп движения замед-

лился в деревнях к востоку от селения Гродек вследствие скопления обозных колонн танковой группы Гудериана, которые застряли на раскисших дорогах.

Командир 82-го пехотного полка, прибыв в штаб 31-й пехотной дивизии, застал ее командира, генерал-майора Кальмукоффа в мрачном расположении духа. Он считал положение у Ружан весьма серьезным. Русские не только пытались прорваться на восточный берег Зельвянки в направлении Ружан, но уже перешли значительными силами на восточный берег и повторно перерезали шоссе Ружаны – Слоним. Генерал Кальмукофф поэтому рассчитывал на подход 82-го полка. Учитывая большие расстояния и плохое состояние дорог, рассчитывать на успешные действия в полночь не приходилось. Только 2-й батальон, который к этому времени успел достичь деревни Ковали, был в распоряжении командования. Батальон получил приказ занять Павлово (1 км к юго-востоку от городка Ружаны) и взять под охрану дорогу Ружаны – Ковали. Главные силы полка преодолели расстояние 45 километров, из них 10 километров по бездорожью, и остановились на отдых в районе Гродек – Ярутичи.

После ночного боя у Михалин-Стари (в ночь с 25 на 26 июня) 82-й полк совершил семидесятикилометровый марш, обогнув Ружаны, притом что по прямой расстояние от Миха-

лин-Стари до Ружан не превышало 20 километров! При ином планировании вышестоящих инстанций 82-й полк мог выиграть 24 часа и совершить марш в намного более спокойных условиях.

28 июня 82-й полк присоединился к войскам, взявшим противника в кольцо по линии Задворце (9 км севернее Слоним) – Голынка – Зельва – река Зельвянка, и занял позиции севернее городка Ружаны. Задачей войск окружения, состоявших из соединений 4-й армии и танковой группы Гудериана, было воспрепятствовать отходу русских войск из района Белостока. Для того чтобы выйти к Зельвянке по обе стороны от села Кракотка и занять рубеж обороны, 82-му полку надо было сначала очистить восточный берег реки от уже переправившихся частей противника. С этой целью 28 июня, около 10 часов утра, 82-й полк вышел из района Гродек – Павлово и повел наступление на Кракотку через Близную под прикрытием 3-го дивизиона 31-го артполка 31-й дивизии. При продвижении все три батальона постоянно сталкивались с отдельными группами русских, сопротивление которых удавалось быстро подавить. Однако потерь избежать все же не удалось. Одна только 9-я рота артиллерийского полка дивизии потеряла двух офицеров и восемь наблюдателей, попавших на пшеничном поле под огонь русских пушек.

С наступлением темноты восточный берег Зельвянки от Рудавки до Хомичей был в наших руках, плацдарм был занят, и на нем началось создание полевых укреплений. Таким образом, был освобожден стоявший в обороне 5-й пулеметный батальон танковой группы Гудериана. На юге было обеспечено надежное взаимодействие с 17-м полком 31-й дивизии, и с часа на час ожидался подход соседей с севера (34-й дивизии). Из-за их задержки в обороне оставалась брешь в районе деревни Кошели и севернее этого населенного пункта. Через эту брешь из окружения вышла значительная группа русских, попутно нанеся удар по флангу 82-го пехотного полка.

Условия для обороны на участке, занятом 82-м полком, были весьма неоднородны. На севере, в районе села Кракотка, преобладала открытая возвышенная местность, позволявшая просматривать и простреливать западное направление. Обладание высотой 193,1 непосредственно к западу от Кракотки имело решающее значение для удержания или потери этого участка обороны. На юге участка преобладала лесистая местность. Граница леса подходила к Зельвянке на 100 метров, поэтому передний край обороны вынужденно находился непосредственно на восточном берегу реки. Зельвянка – узкая речка, на которой во многих местах есть броды, проходимые для пехоты, кавалерии и танков.

Протяженность переднего края обороны полка (по карте около 10 км, а на местности намного больше) была непомерно велика для наших сил. Полноценный контроль территории был, таким образом, невозможен вследствие недостатка сил. Речь могла идти лишь о создании очагов обороны, притом что приходилось мириться с наличием широких брешей во фронте полка. Так как 82-й полк к тому же располагал лишь одним артиллерийским дивизионом и одной батареей 88-мм зенитных орудий, не могло быть и речи о полноценном огневом прикрытии.

На западе позиции удерживали 3-й и 2-й батальоны 82-го полка. 1-й батальон полка, находившийся в резерве за открытым краем обороны, вечером 29 июня окопался в районе Шиловичи на высотах севернее Кракотки, так как с севера к этому времени части 34-й дивизии еще не подошли к деревне Кошели.

Первые удары противника были направлены против 2-го батальона 82-го полка. Атаки начались вечером 28 июня и продолжились весь день 29 июня. Первоначально это были атаки разрозненных, не имеющих единого командования групп силой до батальона, но все направленные на позиции 2-го батальона. Движение групп вражеской пехоты, кавалерии и некоторого числа танков к западному берегу Зельвянки между селениями Кошели и Петровичи – выявленных нашей разведкой и подвергнутых артиллерийскому обстрелу, – а также выдвижение

русских пехотных колонн с запада на Кошели создавали угрозу скорого массированного удара на участке 1-го батальона 82-го полка. Учитывая это обстоятельство, все подразделения полка были с наступлением темноты приведены в повышенную боевую готовность.

Ночь с 29 на 30 июня была в газетах и по радио названа позже «судьбоносной ночью полка»⁵⁶. Ночь и в самом деле выдалась довольно насыщенной событиями. В 21 час начался ожесточенный бой сначала на участке 3-го батальона, а затем на участке 2-го батальона⁵⁷. На участках обороны батальонов не было такого места, которое не было бы атаковано численно превосходящими силами русских. Там, где в наших оборонительных линиях были бреши, русским удалось прорвать наш фронт, после чего они предприняли попытки атаковать позиции батальонов с тыла или взломать их оборону на флангах. Русская артиллерия в бою практически не участвовала. Атаки пехоты поддерживались танками и кавалерией в конном строю. Атаки в ночное время можно с полным правом назвать большой редкостью. В ту ночь русская кавалерия силами до одного полка в конном строю атаковала фронт и фланги 82-го пехотного полка. Ночные атаки были направлены главным образом против 2-й роты в центре переднего края обороны 82-го полка и против 1-го батальона (за исключением 2-й роты) на северном фланге. Те всадники, которым удалось избежать огня наших солдат, перелетали через окопы и устремлялись на восток в поисках пути к спасению. Помимо этого, кавалеристы атаковали обоз и артиллерийскую батарею, где их встретили готовые к такому повороту событий наши солдаты. Взяться за оружие пришлось даже личному составу штаба полка в Кракотке, когда казаки под покровом ночи ворвались в деревню. Один из всадников – после того как под ним была убита лошадь – напал на ефрейтора Лозе, отобрал у него штык-нож и ударил в спину, но был убит в рукопашной схватке подоспевшим унтер-офицером Беккером.

Многочасовой натиск противника на участке фронта в районе Зельвянки был так силен, что к обороне пришлось привлечь буквально все подразделения полка (штаб полка, взвод связи, кавалерийский взвод и обслуживающий персонал радиостанции). Прорывы по фронту, борьба в тылах переднего края, нападения на боевые позиции, обозы и огневые позиции, нехватка боеприпасов в пехоте и артиллерии (батарея 88-миллиметровых зенитных орудий полностью расстреляла свой боезапас), уничтожение средств связи – в этой напряженной ситуации поступило сообщение об активности русских в тылах полка – в лесу к востоку от Кракотки. Отразить эту новую опасность командир 82-го полка был не в состоянии. Весь личный состав полка – до последнего человека – был занят в бою на фронте и на флангах. Находившийся в Кракотке командир 5-го пулеметного батальона предложил признать положение безнадежным, прекратить бой и силами 82-го полка и 5-го пулеметного батальона прорываться на восток. Однако командир 82-го полка верил в боевой дух своих солдат и ответил, что полк не оставит свои позиции. Пусть с угрозой из леса разбирается вышестоящее командование. В этот критический момент с востока послышался гул боя. В деревне начали рваться снаряды, очевидно предназначенные не для нас, а для противника к востоку от Кракотки. Давно ожидавшийся сосед справа наконец появился на поле боя. Когда взошло солнце, выяснилось, что 82-й полк на всех участках обороны удержал свои позиции, предотвратив прорыв окруженных

⁵⁶ Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) требовало личной подачи донесений о ходе боевых действий. С этой целью командир полка отправил в ставку своего адъютанта, лейтенанта графа фон Ботмера.

⁵⁷ «30.06.41: около двух часов ночи противник крупными силами в несколько эшелонов атаковал батальон на всем протяжении его позиций. На участке 5-й роты противник ввел в бой зенитные орудия и один танк. Занимавший позиции на правом фланге роты взвод был полностью уничтожен. Русским удалось прорваться через образовавшуюся брешь. В результате контрудара взвода лейтенанта Баля из состава 5-й роты противник с большими потерями был сброшен в Зельвянку. На участках обороны всех рот имели место рукопашные бои. В конечном счете прорваться на стыке между 6-й и 7-й ротами удалось лишь одной группе противника, состоявшей преимущественно из офицеров. По пути эта группа обнаружила провод полевого телефона, который вывел ее на позиции батальона, которые группа попыталась атаковать в 3 часа 30 минут. Благодаря густому туману ей удалось незаметно приблизиться к нашим позициям на расстояние 30 м. Огнем двух пулеметов и ружейным огнем при поддержке полевого орудия эта группа была почти полностью уничтожена. Перед боевыми порядками батальона мы насчитали 28 трупов русских военнопленных» (из дневника боевых действий 82-го пехотного полка).

русских войск на восток. Однако воспрепятствовать прорыву мелких групп сквозь бреши в наших растянутых порядках мы не смогли. Потери противника в живой силе и технике были очень велики⁵⁸. В отсечении танков противника особо отличилась 14-я рота 82-го полка под командованием лейтенанта Пиля. Много военного имущества было на следующий день обнаружено в лесах западнее Зельвянки. В этом случае, как и в других случаях прорыва окруженных русских частей, они предпочитали спасение сохранению военного имущества. Метод просачивания через наши боевые порядки поодиночке и мелкими группами позволил русским сухопутным частям, и прежде всего партизанам, сохранить личный состав и, соответственно, получать пополнения.

30 июня условия обороны 82-го полка на случай дальнейших русских атак значительно улучшились. Сосед справа (34-я пехотная дивизия) ликвидировал брешь у деревни Кошели и тем самым развязал руки нашему северному флангу (1-й батальон) и позволил перевести его в стык между 3-м и 2-м батальоном. Кроме того, мы получили подкрепление – 2-й батальон 17-го пехотного полка (командир майор Корфес) и 1-ю батарею 845-го артиллерийского полка. Была также устранена нехватка боеприпасов. Летчики сообщали о движении с запада новых крупных русских сил в направлении Зельвянки, но 30 июня имели место лишь спорадические атаки русских, которые были сравнительно легко отражены. Задача 82-го пехотного полка была выполнена, когда на западном берегу Зельвянки 1 июля, перед фронтом 82-го полка, появился наступавший на север 12-й пехотный полк.

Закончив выдвижение к реке Щара 27 июня и выйдя к Зельвянке, 82-й полк на четыре дня (а основной состав 31-й дивизии и еще дольше) был включен в состав войск, замкнувших кольцо окружения вокруг русской группировки. Из-за этой задержки расстояние до спешившего на восток корпуса из состава танковой группы Гудериана, вышедшего к Березине между Бобруйском и Борисовом, стало еще больше. 1 июля на командный пункт 82-го полка в Кракотке прибыл фельдмаршал фон Клюге. Он выразил свою признательность полку за стойкость, проявленную в предыдущие дни. Было видно, что фельдмаршал очень доволен тем, что полк, который он считал «потерянным», уцелел, а его личный состав, несмотря на трудности, сохранил высокий моральный дух. Фельдмаршал, кроме того, объяснил командиру 82-го полка, что отвод полка с Щары был неизбежным, потому что кольцо окружения у Зельвянки оказалось слишком слабым, чтобы воспрепятствовать прорыву крупных русских сил, а сил на организацию кольца у Щары было недостаточно, и от этой мысли пришлось отказаться. Клюге, кроме того, высказал соображение о том, что, прежде чем двигаться дальше на восток, надо закончить сражение с окруженным в районе Белостока противником. Гудериан, напротив, хотел и дальше двигать свои танки на восток, оставив задачу уничтожения Белостокской группировки пехотным армиям⁵⁹.

При желании можно было обосновать любую из этих двух точек зрения. Правда, никто не упомянул о том, что задача окружения противника всегда связана для пехоты с тяжелыми боями. В четырехдневных боевых действиях у Зельвянки, в которых пришлось принять участие 82-му полку, речь шла не о полицейской операции по очистке района, а о тяжелых и кро-

⁵⁸ 2-й батальон 82-го полка взял в плен 1600 человек, по 1-му и 3-му батальонам данных нет.

⁵⁹ *Guderian*. S. 143, 144, 146, 147. «Встреча командующих 2-й танковой группы (Гудериан) и 3-й танковой группы (Гот) в Криво 30.06 позволила им обменяться мнениями, но не помогла заручиться содействием 2-й танковой группы в деле завершения разгрома окруженной группировки противника. Обмен мнениями показал, что командующий 2-й танковой группой не считает своей главной задачей уничтожение окруженных войск противника и намерен всеми силами группы продолжать стремительное наступление на восток, оставшись, таким образом, при своем мнении. Создалось впечатление, что командование 2-й танковой группы было намерено одновременно решать две задачи – окружить противника под Минском и продолжать продвижение на восток. Наличие больших сил, вероятно, давало право командованию 2-й танковой группы на такое решение, но командование 3-й танковой группы его отвергло. Это решение в конечном итоге привело к тому, что части окруженных войск противника удалось прорваться на юго-восток, вынудив командование 4-й армии использовать для ликвидации прорыва части 3-й танковой группы взамен ушедшей на восток 2-й танковой группы» (из Донесения о ходе боевых действий с 30 июня по 11 июля 1941 года 3-й танковой группы от 12 июля 1941 г.).

вопролитных боях с противником, исполненным решимости вырваться из окружения. Успех обеспечивался безусловной волей обороняющихся держаться до последнего человека и осознанием необходимости внести свой вклад в достижение победного окончания сражения. При этом надо было считаться с разнообразием тактики противника, имевшего численное и материальное превосходство.

За период с 28 июня по 1 июля личный состав 82-го пехотного полка поредел более чем на 150 человек. Только во 2-м и 3-м батальонах, принявших на себя основную тяжесть боев, были убиты 66 и ранены 78 человек. Такая большая доля убитых говорит об ожесточенности боев. Жертвы сражения у Зельвянки – среди них обер-лейтенант Винар (10-я рота), лейтенант Шмидт (5-я рота), обер-фельдфебель Рихерт (5-я рота), лейтенант Штольц и обер-фельдфебель Фаульбаум (7-я рота), а также фельдфебель Юшкус (4-я рота) – нашли свое последнее упокоевание на холме у северной окраины селения Великая Кракотка.

Наступление к Днепру. Старый Быхов

В первой половине июля мы вступили в лежавшую перед Днепром пограничную область, которая в политическом и географическом отношениях несла на себе отпечаток существенных черт переходной области. В ходе борьбы между Литвой, Польшей и Россией эта область неоднократно меняла своих властителей. По своим природным особенностям и по растительности эта область представляет собой нечто среднее между болотами Полесья и западнорусскими возвышенностями. Местность здесь покрыта густыми лесами. Многочисленные реки, принадлежащие к бассейнам Припяти, Немана и Днепра, преграждали путь наступавшим немецким войскам. Это был один из беднейших районов России, и продвижение по его территории крупных воинских сил было сопряжено с большими трудностями.

Редкое население и низкий уровень культуры жилищ создавали большие проблемы с расквартированием и вынуждали каждый раз развешивать палаточные лагеря. Жаркое и сухое лето создало проблемы и со снабжением войск водой. Мы постоянно ощущали ее нехватку. Имевшиеся в деревнях колодцы не могли удовлетворить потребность в воде такой массы войск. Это привело к тому, что, помимо прочих тягот, которые солдат неизбежно испытывает на войне, командование было вынуждено прибегнуть к рационированию воды. Если нам всегда удавалось снабдить солдат достаточным количеством кипяченой воды (пить сырую воду, по санитарно-гигиеническим соображениям, было запрещено), то возможности помыться и постирать нательное белье зачастую не было. Особенно неблагоприятно сказывался недостаток воды на лошадях. На долю животных выпадали большие нагрузки, но после тяжелых переходов их подчас приходилось очень далеко выводить на водопой. К этому следует добавить, что снабжение лошадей кормами отнюдь не соответствовало реальным потребностям. Заготовка кормов на местности, где произрастали рожь, ячмень и гречиха, но было мало овса, тоже была недостаточной, тем более что урожай еще не успел созреть – растения только-только начали колоситься. От состояния лошадей сильно зависело состояние пехоты. Если летом, а затем и позже, в неблагоприятных осенних условиях и зимой, мы сумели выстоять, то благодарить за это надо в первую очередь людей, которым был доверен уход за животными. Без самоотверженного труда этих людей – ездовых, конюхов и фуражиров, которые на марше последними ложились спать и первыми вставали по утрам, мы не смогли бы удержать темпы продвижения.

Ход продвижения следовал образцу, испытанному в западных кампаниях⁶⁰. Полк делился на маршевые группы; последовательность построения этих групп ежедневно менялась. Расписание привалов отработывалось заранее. Плохо развитая сеть дорог привела к тому, что всем частям дивизии приходилось идти по одной дороге. Счастлив был тот полк, которому выпадало идти во главе длинной дивизионной колонны, ибо ему доставалась дорога в более или менее приличном состоянии. Чем ближе к хвосту колонны находились часть или подразделение, тем хуже становилась для него дорога, тем тяжелее становился марш. Прохождение вопреки всем превратностям пути, погоды и условий расквартирования 445 километров от Зельвянки до Днепра за 14 дней при ежедневном прохождении 31 километра явилось высоким достижением пехоты. Желание командования танковых групп, чтобы пехота быстрее следовала за танками, было объяснимым, но невыполнимым. Пределы физических сил не позволяли пехотинцам идти быстрее. Разница в скоростях марша привела к тому, что армия двигалась на восток двумя отдельными эшелонами, которые не только врозь совершали марш, но и врозь сражались. Разделение этих эшелонов вскрыло слабость такой стратегии, и этой слабостью не преминули воспользоваться русские, как только распознали ее. В наступательных операциях мы придерживались того принципа, что, переходя к тактической обороне, мы навязываем против-

⁶⁰ См. приложение 4а.

нику наступательные действия. Согласно воззрениям немецких штабов, существенной предпосылкой успеха в обороне является умение отсечь пехоту наступающего противника от его танков.

Фридрих II Великий всегда вел за собой единую, собранную в один кулак армию. Наполеон возвел концентрацию сил перед сражением в основополагающий принцип. Мольтке-старший ратовал за концентрацию сил в ходе самого сражения, но не выдвигал на этот счет каких-либо обобщающих теорий. Это стремление к концентрации и объединению усилий осталось неизменным и во время Первой мировой войны. Переворот произошел во время войны 1939–1945 годов. В 1941 году немецкие войска вторглись в Россию в едином строю – пехота и моторизованные дивизии шли плечом к плечу; но затем силы разделились. Несмотря на то что русские потерпели сокрушительное поражение в приграничных сражениях, во внутренних областях СССР оставались крупные боеспособные армии. В погоне за скорыми оперативными решениями – какими бы полезными они ни были – немецкое командование упустило важный фактор, игравший не меньшую роль в восстановлении боеспособности русской армии, помимо числа солдат и офицеров, – фактор пространства и времени.

В составе передовой маршевой группы 31-й дивизии 82-й полк вместе с 3-м дивизионом 31-го артполка, 1-м саперным батальоном и 9-й (гузовой) тыловой колонной дивизии оставил 2 июля поле сражения у Зельвянки, переправился через Щару у селения Жировичи (8 км южнее Слонима) 2 июля, через Мышанку у города Барановичи 4 июля, через Лошу у деревни Лоша 8 июля, через Птичь у деревни Кобыличи 9 июля, через Березину у Перевоза 13 июля и через Друть у Должанки 16 июля. 2 июля мы пересекли шоссе Слоним – Барановичи и здесь увидели впечатляющие следы боев наших танковых войск. По перепаханным полям, разбитым автомашинам, изуродованным противотанковым орудиям и многочисленным сгоревшим танкам – по большей части немецким – можно было судить о том, с каким ожесточением сражались здесь обе стороны. В следующие дни (4 июля) под Барановичами мы столкнулись с колоннами Гудериана. Въезд и выезд из города был забит войсками, регулированием движения никто не занимался. 82-му полку оставалось лишь отказаться от запланированного прохода через Барановичи и обойти город с юга. Обходной путь проходил через аэродром, на котором осталось значительное количество русских самолетов.

10 и 11 июля 2-я танковая группа Гудериана начала наступательную операцию, форсировав Днепр по обе стороны от Могилева и нанося удар в направлении на Смоленск. Высшее командование рассчитывало, что в результате этой операции пехотные дивизии, вышедшие на рубеж Днепра, не встретят значительного сопротивления противника. Действительно, на всем пути следования в авангарде 31-й дивизии 82-му полку с 2 по 16 июля ни разу не пришлось вступать в серьезные бои. Присутствие отдельных рассеянных русских подразделений на местности между реками Зельвянка и Друть вынуждало нас заботиться о разведке пути следования и выставлении охранения на местах отдыха. В этом отношении нагрузка на пехоту была не меньше, чем когда она наступала на противника без прикрытия впереди идущих танков. Очистка территории по пути следования и на местах временного расквартирования требовала времени, сил и крови. Столкновения с противником были неизбежны, потому что двигавшиеся узкими клиньями танковые соединения оставляли нетронутыми большие участки местности. Переправившись через Друть у Должанки в ночь на 16 июля, 82-й полк вышел у Векши к шоссе Бобруйск – Могилев и остановился на отдых. Так как были получены сведения о передвижении противника с юга к Должанке и о неопределенном положении у Старого Быхова, на юге и востоке было выставлено сильное охранение. 82-й полк только что совершил 25-километровый марш, и командир дивизии пообещал дать ему продолжительный отдых. Но сдержать свое обещание командир дивизии не смог, так как аэродром истребительной эскадры Мельдерса у города Старый Быхов атаковал противник, и эскадра оказалась в тяжелом положении. Командир дивизии поручил командиру 82-го полка снять охранение и возобновить движение

на восток, с тем чтобы ликвидировать угрозу истребительной эскадре Мельдерса на восточном берегу Днепра и взять ее расположение под охрану. Полк начал быстрое выдвижение к Старому Быхову от Лубянки в 13 часов 30 минут. Командир 82-го полка лично выехал вперед и убедился в том, что эскадра Мельдерса находится не на восточном, а на западном берегу Днепра и ни о какой угрозе со стороны противника поэтому не может быть и речи.

1-я кавалерийская дивизия, основные силы которой находились на восточном берегу, оставила на западном берегу одну бригаду в районе Старого Быхова и прикрывала фланги переправлявшегося через Днепр XXIV танкового⁶¹ корпуса. Этот корпус, как сообщил командиру 82-го полка по телефону начальник штаба корпуса полковник Шиллинг, между Пропойском и Кричевом увяз в тяжелых боях с прорывавшимся с юга противником. От имени своего командира Шиллинг передал, что танкисты «одержат пиррову победу», если немедленно не получат подкреплений. Шиллинг высказал пожелание, чтобы 82-й полк сменил 1-ю кавалерийскую дивизию для прикрытия флангов корпуса. Было понятно желание командования XXIV танкового корпуса подтянуть поближе к себе 1-ю кавалерийскую дивизию. Далее, командир 1-й кавалерийской дивизии через своего начальника штаба передал, что он настаивает на том, чтобы 82-й пехотный полк был передан в подчинение 1-й кавалерийской дивизии. Командир 82-го полка отклонил эти претензии командования XXIV танкового корпуса и 1-й кавалерийской дивизии, так как 82-й полк подчинялся командиру 31-й дивизии и был обязан выполнять его приказы. Уже вечером 16 июля 82-й полк вышел к Днепру у Старого Быхова и силами 3-го батальона взял на себя охрану переправы на восточном берегу реки. Командир 82-го полка прибыл на командный пункт расположенной на западном берегу Днепра южнее города Старый Быхов кавалерийской бригады, которую в ночь с 16 на 17 июля должен был сменить разведбатальон арtpолка 31-й дивизии. Бригада вступила в бой с противником, который у Нового Быкова переправился на западный берег Днепра.

О спокойной обстановке в районе города Старый Быхов командир 82-го полка доложил командиру 31-й дивизии. Вместо запланированного и крайне необходимого 82-му полку отдыха, этой части пришлось совершить утомительный пятидесятикилометровый переход — и это неожиданное и необдуманное требование вышестоящего командования не имело под собой, как выяснилось на месте, никакого основания. Генерал Шрот в последующие дни рассказал командиру 82-го полка, что помощи истребительной эскадре потребовал рейхсмаршал. Высшее командование отреагировало на это требование, не проверив реальную обстановку. Генерал Шрот пообещал доложить командованию 4-й армии об этой вопиющей неосмотрительности. Сам Мельдерс в это время находился в ставке фюрера, где ему вручали награду, и не просил ни о какой помощи. В дальнейшем у командира 82-го полка сложились с Мельдерсом очень теплые и сердечные взаимоотношения и тесное взаимодействие. Летчики не только добровольно вызывались прикрывать с воздуха действия 82-го полка, но и щедро делились с ним своими запасами продовольствия и белья.

⁶¹ В описываемое время такие корпуса назывались моторизованными. (Примеч. ред.)

Глава 3

На Днепре (17.07–17.08.41)

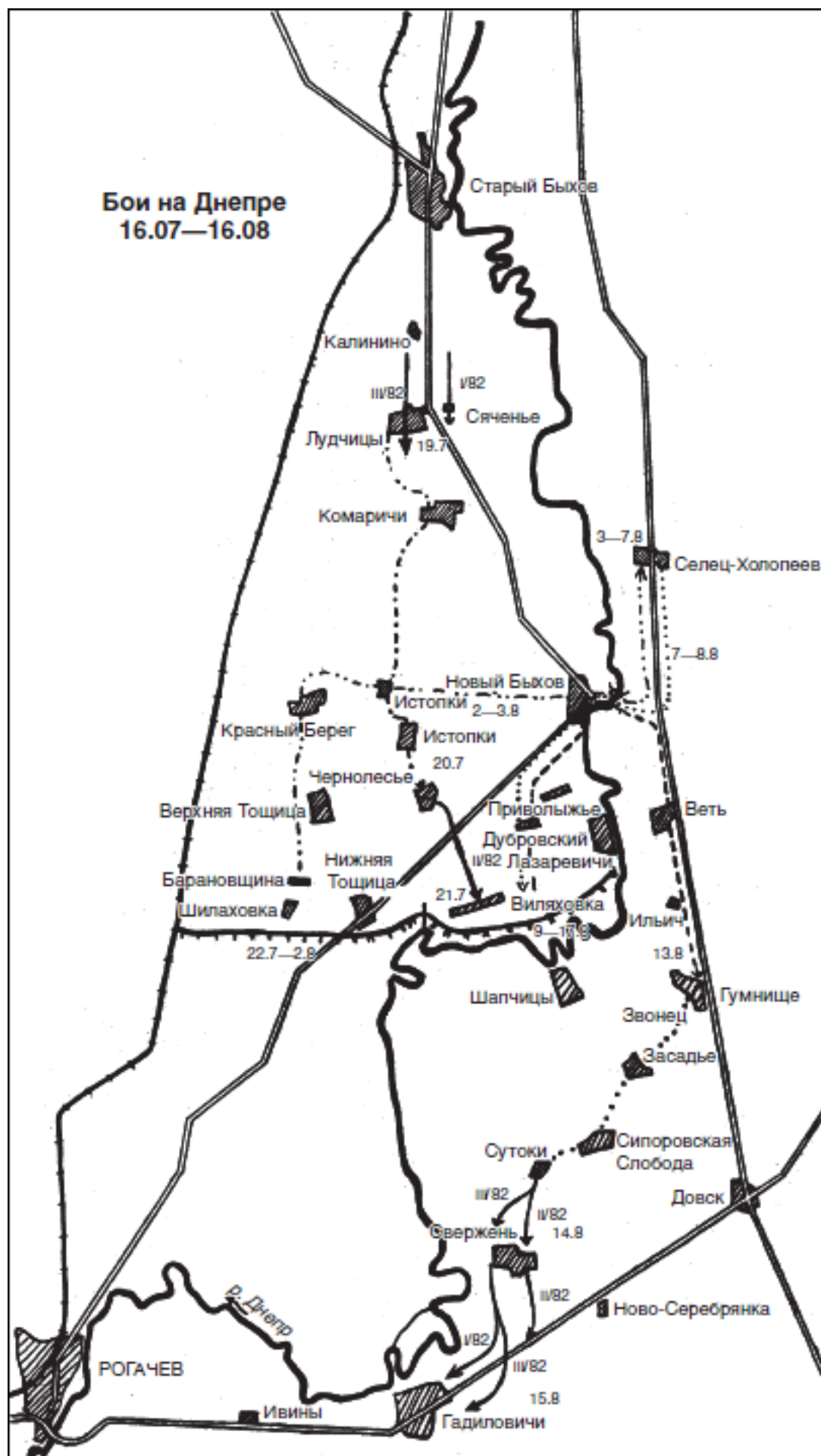
17 июля в Старый Быхов подтянулись и остальные части 31-й дивизии. Положение, сложившееся в группе армий «Центр», потребовало месячного пребывания 31-й дивизии на Днепре. Задачи перед дивизией ставились самые разнообразные; от обороны мы то и дело переходили к наступлению и наоборот. Силы дивизии были разделены на две части, расположенные по обе стороны реки. Приблизительно треть 31-й дивизии (усиленный 17-й пехотный полк) занимала временные позиции среди чужих дивизий на восточном берегу Днепра до 17 августа. Две трети 31-й дивизии сражались до 1 августа на западном берегу реки. Центр тяжести боевых действий постепенно сместился на восточный берег, и с 13 августа⁶² все части дивизии воссоединились на восточном берегу. Как и прежде, дивизия входила в состав XXII армейского корпуса, переданного в подчинение командованию 2-й армии. На южном крыле группы армий «Центр» 2-я армия прикрывала фланги увязшей в оборонительных боях в районе Кричев, Ельня, Смоленск танковой группы Гудериана.

Приостановка операций на участке группы армий «Центр» привела к усилению сопротивления противника. Таким образом, в результате сложившегося положения не могло быть и речи о целенаправленной передышке, которой требовала подготовка к продолжению наступления. Части 31-й дивизии – и в этом ее положение ничем не отличалось от положения остальных пехотных дивизий – были вынуждены изо дня в день вести бои. В непрестанных столкновениях с противником войска изматывались, а пополнений не было, и ждать их было неоткуда. Однако командование считало необходимым дать отдых танковым соединениям. Оперативная пауза, таким образом, отнюдь не означала паузы в перемалывании противником пехотных частей.

Меры немецкого командования, которое постоянно колебалось между наступлением и обороной, не позволяли нам понять его стратегические замыслы и являлись причиной непрестанных изменений в расквартировании войск и в поставленных задачах. Основным узким местом было снабжение, и в первую очередь снабжение боеприпасами. Эта проблема, в первом приближении, была решена тем, что высшее командование выделило для снабжения автотранспорт, который был для этих целей передан на 10 дней в распоряжение нижестоящих командиров.

17 июля наша авиационная разведка доложила, что в районе городка Новый Быхов на западный берег Днепра переправилась большая группа вражеских войск. Создавалась реальная угроза того, что противник усилит свое давление на север между реками Друть и Днепр и начнет угрожать нашим переправам через Днепр в районах к северу от Старого Быхова. В связи с этим 31-я пехотная дивизия (без 17-го полка) получила приказ атаковать 19 июля противника, переправившегося в районе Нового Быхова, и отбросить его на восточный берег Днепра. Основную тяжесть атаки должен был взять на себя 82-й полк, который в ночь с 18 на 19 июля сменил у Калинино (4 км южнее Старого Быхова) разведбатальон 31-й дивизии и занял позиции по обе стороны шоссе Старый Быхов – Новый Быхов, изготовившись к атаке. С тыла на правом фланге наступление 82-го полка должен был поддержать 12-й пехотный полк.

⁶² В этот день, подорвавшись на русских минах, погибли командир 31-й дивизии генерал-майор Кальмукофф и его адъютант майор фон Барнеков. Командование принял на себя командир 17-й пехотной дивизии полковник Бертольд. Позже он погиб на передовой во время боя за шоссе Рославль – Юхнов весной 1942 г.

В первом эшелоне атаки были задействованы 3-й и 1-й батальоны полка. 2-й батальон был оставлен во втором эшелоне, как полковой резерв.

Организация и распределение сил:

а) 3-й батальон 82-го полка

2 взвода 13-й роты 82-го полка (пехотная артиллерия)

1-я рота 31-го саперного батальона 31-й дивизии

2-я рота 31-го противотанкового полка 31-й дивизии

1-я рота 610-го зенитного дивизиона

¹/₂ роты (батареи) 201-го дивизиона штурмовых орудий

б) 1-й батальон 82-го полка

Саперный взвод 82-го полка

2 взвода 13-й роты 82-го полка (пехотная артиллерия)

14-я рота 82-го полка (истребители танков)

¹/₂ роты 201-го дивизиона штурмовых орудий

Главные силы 82-го полка располагались на внутренних флангах батальонов, то есть на упомянутом шоссе. По разведанным вражеским целям был в 9 часов открыт массированный огонь, который достиг наивысшей силы в промежутке между 10.45 и 11.00, с целью подавить сопротивление противника. Эскадре Мельдера была поставлена задача прикрывать действия пехоты воздушной разведкой и прицельным бомбометанием. К сожалению, плохая погода позволяла проводить воздушную разведку лишь время от времени. Наземная разведка была выдвинута в район деревни Лудчицы. Эта разведка обнаружила слабые силы противника перед передним краем 3-го батальона и полевые позиции, занятые противником перед передним краем 1-го батальона. Как выяснилось в ходе атаки, противник располагал большими силами, чем удалось установить разведке.

В 11 часов пехота перешла в наступление. Из-за ожесточенного сопротивления противника пехоте приходилось продвигаться вперед короткими перебежками, и лишь во второй половине дня сопротивление противника было сломлено, взяты Лудчицы и Сяченье, а противник был принужден к отступлению. Русская пехотная дивизия была отброшена, подбито большое число вражеских танков, а в наши руки попали 2000 пленных, две артиллерийские батареи и большое количество другого вооружения. 20 июля 12-му пехотному полку удалось закрепить успех – преследуя отступавшего противника, он оттеснил его к Днепру и отбросил на противоположный берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.